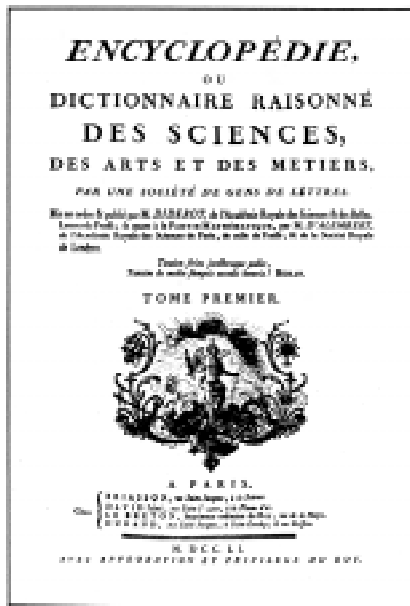

Круглый стол

26 октября 2004 года в Институте человека РАН состоялось заседание методологического семинара «Многомерный образ человека». Совместно с журналом «Высшее образование в России» был проведен дискуссионный круглый стол на тему «Энциклопедизм, энциклопедические издания и высшее образование в России: история и современность».

Ниже публикуется стенограмма заседания. Напоминаем нашим читателям, что некоторые важные аспекты темы уже были освещены в журнале под рубрикой «Энциклопедия. Энциклопедизм. Высшее образование» (2005, № 2, 3, 5).

Участники: **Борзенков Владимир Григорьевич** – д. филос. н., МГУ им. М.В. Ломоносова; **Сапунов Михаил Борисович** – к. филос. н., журнал «Высшее образование в России»; **Кузнецова**

Наталья Ивановна – д. филос. н., Институт истории естествознания и техники РАН; **Шелохаев Валентин Валентинович** – д. ист. н., издательство «РОССПЭН»; **Межуев Вадим Михайлович** – д. филос. н., Институт философии РАН; **Лекторский Владислав Александрович** – д. филос. н., член-корреспондент РАН, журнал «Вопросы философии»; **Веряскина Валентина Петровна** – к. филос. н., кафедра философии РАН; **Мануильский Максим Анатольевич** – канд. филос. наук, журнал «Человек»; **Огурцов Александр Павлович** – д. филос. н., Институт философии РАН; **Киселева Марина Сергеевна** – д. филос. н., Институт человека РАН; **Разумов Александр Евгеньевич** – Институт человека РАН; **Карев Владислав Михайлович** – к. истор. н., издательство «Энциклопедия»; **Семенов Евгений Васильевич** – д. филос. н., журнал «Науковедение»; **Хохлов Юрий Евгеньевич** – д. ф.-м. н., Институт развития информационного общества.

Ведущие круглого стола: В.Г. Борзенков, М.Б. Сапунов.

В. БОРЗЕНКОВ: «Знание – трансформирующая сила»

Мы все сейчас находимся под впечатлением тех революционных трансформаций, которые уже происходят и которые ожидают в самом ближайшем будущем отечественное образование и науку. Вероятно, тематика энциклопедизма, статуса и функций энциклопедических изданий будет обсуждаться в контексте современных, злободневных проблем и в достаточно широкой социально-философской перспективе.

Современное содержание терминов «энциклопедия», «энциклопедические издания и словари» радикально изменилось в сравнении с тем, что вкладывали в него первые создатели подобных изданий, в первую очередь – Д'Аламбер и Дидро. «Энциклопедия», в их понимании, вовсе не должна была представлять собой только свод знаний из разных областей наук, искусств и ремесел. Она задумывалась прежде всего как некий идеологический проект, имеющий огромное социально-философское, мировоззренческое и практическое значение. Она рассматривалась как мост между великими трудами уединенных ученых и злободневными запросами общественной практики. Она мыслилась и как общественная сила, трансформирующая жизнь общества на началах Истины, Добра, и как школа свободомыслия.

В силу открытой, честной и смелой заявки на большое социально-политическое влияние судьба самой «Энциклопедии» была весьма сложной. Напомню: через сто лет после первого опыта создания «Энциклопедии» такая попытка была предпринята в России Петром Лавровым, известным политическим деятелем, математиком, поэтом, философом. В 1861 г. он объединил вокруг себя все лучшие по тем временам силы – научные, литературные, философские – и решил повторить опыт французских

коллег на российской почве. В Предисловии оговаривалось, что предпринимаемое издание не просто еще одна форма обобщенного знания, а сила, с помощью которой можно трансформировать российское общество. Издание финансировало Министерство просвещения. Издатели сумели подготовить только пять томов на букву «А», которые вышли почти одновременно. В дело вмешался Священный Синод и нашел в них массу нарушений общепринятых норм. Синод активизировал Третье отделение, которое, в свою очередь, подключило цензоров, и в результате появилась целая серия претензий-доносов. В итоге под давлением соответствующих органов Министерство просвещения от дальнейшего финансирования отказалось, а сам Лавров в 1870 г. попал на каторгу. Такова судьба издания, которое рассматривалось как несущее Знание и обладающее великой трансформирующей силой.

В сущности, концепция знания как трансформирующей силы в 60–70-х гг. XIX в. была доминирующей, поскольку именно в этом суть того варианта позитивизма, который создал Огюст Конт. В конце XIX – начале XX вв. эту идею подхватили идеологи и различные партии, а в первой половине XX в. она проявилась в борьбе различных политических движений и партий. В силу того, что многочисленные идеологии были непримиримы и постоянно конфликтовали, вместо позитивного развития можно было наблюдать лишь череду политических катастроф и катаклизмов. Мне представляется, что именно в свете такого положения дел к концу XX – началу XXI вв. ситуация сложилась таким образом, что не осталось ни одной политической партии или движения, которые вышли бы из этой истории незапятнанными и которые заслужили бы достаточно широкое общественное доверие.

Совершенно очевидно, что в XXI веке человечество в целом ожидает целая серия всевозможных проблем и трудностей, неразрешимых в принципе без опоры на современную науку и научно-технический прогресс. В силу этого мне кажется, что, во-первых, следует вернуться к концепции знания как трансформирующей силы, а во-вторых, подумать, в какой форме ее можно было бы реализовать, учитывая опыт энциклопедических изданий – с тем, чтобы эта сила нашла свое адекватное применение в наши дни. Подчеркну: в мировоззренческом плане фундаментальная наука развивается таким образом, что ни о каком противостоянии или конфликте между наукой и религией, о котором говорили русские философы 60-х гг. XIX в., сегодня не может быть и речи. Более того, сама фундаментальная наука ставит такие мировоззренческие проблемы и приходит к таким результатам, которые требуют диалога с мировыми религиями, с теоретически подготовленными представителями различных конфессий и т.д. И этот процесс неизбежен в XXI в. Если человечество хочет выжить, то потребность диалога культур, конфессий, цивилизаций, без всякого сомнения, является коренной проблемой современности.

Далее. Как известно, в настоящее время в мире укрепляется понимание того, что будущее общественного прогресса лежит через общество, все сферы жизнедеятельности которого (и прежде всего – экономика) основаны на знании. Таким образом, в известной мере сбывается мечта-прогноз великих мыслителей-энциклопедистов эпохи Просвещения о непосредственно трансформирующей роли знания. Разумеется, знания сами по себе не трансформируют общественную жизнь в прямом смысле слова. Они способны это сделать только в системном сочетании

с другими факторами общественной жизни, образующими то, что ныне все чаще именуется «национальной инновационной системой». В силу известных обстоятельств сегодняшней России еще только предстоит найти свой ответ на этот глобальный вызов и прежде всего найти пути от экономики, базирующейся на эксплуатации природных ресурсов, к развитию, основанному на использовании самого мощного воспроизводимого ресурса человечества – знаний. В связи с этим перед всем отечественным обществоведением встанут совершенно новые и трудные вопросы как теоретико-практического, так и методологического порядка.

Прежде всего, требует уточнения сама постановка вопроса об «обществе, основанном на знании». Известно, что западное общество, как бы его ни именовать – промышленное, индустриальное, постиндустриальное, информационное и т.д., с самого начала, с момента своего зарождения где-то в середине XVII в. было ОСОЗНАННО основано на знании, причем на знании особого типа, неизвестного ни античности, ни Средневековью, ни даже эпохе Возрождения. Знание тогда (т.е. в середине XVII в.) стало впервые рассматриваться, говоря образным языком Ф. Бэкона, как Сила. И последующие этапы развития западного общества можно маркировать как раз различными поворотами в способах воплощения этой идеи в жизнь. Так, можно согласиться с мнением «патриарха» современного менеджмента, американского социолога Питера Дракера, который выделяет три этапа в понимании и способах использования знания в истории промышленной цивилизации, приведшей к современной информационной революции. На первом этапе (где-то с середины XVIII по 80-е годы XIX вв.) знание использовалось для разработки орудий труда, произ-

водственных технологий и выпуска новой готовой продукции. Это породило то, что называют «промышленной революцией». На втором этапе (конец XIX – середина XX вв.) знания стали применять к самой трудовой деятельности. Результатом стала революция в производительности труда и создание современного высокоразвитого общества, с относительно высоким уровнем дохода и качеством жизни для большинства населения соответствующих стран. И, наконец, третий этап, который начался в послевоенное время, но особенно стремительно развивался с 70-х годов XX в., связан с применением знания к сфере самого знания. И этот этап он предлагает именовать «революцией в сфере управления» (см.: Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М., 1999).

Но если с этим согласиться (а я не вижу разумных оснований не соглашаться), то это означает, что центр тяжести экономической и прочих сфер общественной жизни резко переместился в сферу образовательных и информационно-коммуникационных технологий. Проблемы производства, эффективного распределения и использования информационных технологий становятся все в большей мере решающим фактором общественной жизни и общественного развития во всей предвидимой временной перспективе. И здесь, конечно, встают непростые институциональные и организационные, прежде всего, вопросы. Достаточно напомнить о тех дебатах, что идут сейчас и в прессе, и на высоких форумах по поводу «реформирования» отечественной системы образования. Кроме того, это сопряжено с решением серьезных теоретических и методологических проблем. Например, давно осознано, что информация и знание существенно отличаются в качестве ресурса экономической деятельности от

всех других (традиционных) ресурсов – денежных, природных, трудовых, технических и пр. Знания не убывают по мере их потребления, они неотчуждаемы, структурно разнообразны, у них иной цикл функционирования в создании стоимости готовой продукции и пр. Но, с другой стороны, общих законов рыночной экономики (того же закона спроса и предложения, например) никто, как говорится, не отменял. А это означает необходимость осмысления природы тех новых механизмов и правил, по которым будет функционировать экономика общества, основанного на знаниях.

В заключение мне хотелось бы еще раз подчеркнуть, что нам неизбежно придется вернуться к концепции знания как трансформирующей силы в полном объеме, однако о формах ее реализации имеет смысл поразмышлять. Следует подумать также и о возможностях традиционных форм энциклопедических изданий, имея в виду, что мы сейчас вступаем в век совсем иных носителей информации, обладающих большой степенью оперативности. Существуют научные, научно-популярные журналы, персональные компьютеры и, наконец, появился Интернет. Каким видится научный вклад традиционных форм энциклопедических изданий в условиях существования новых видов носителей информации, принципиально новых форм оперативного усвоения знания и оперативного воздействия с помощью этого знания на современного человека? Вот вопрос, который от себя лично я выношу на сегодняшнее обсуждение.

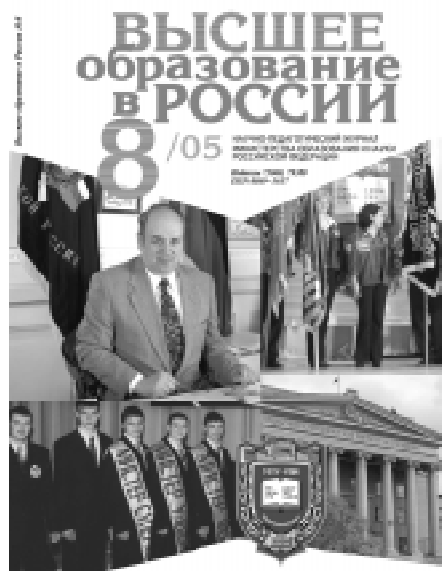
М. САПУНОВ: «Знание – консолидирующая сила»

Мне хотелось бы сказать несколько слов об истории нашего собрания и прежде всего выразить признательность Владимиру Григорьевичу Бор-

зенкову – руководителю постоянно действующего методологического семинара Института человека РАН за предоставленную возможность собраться за одним столом исследователей, издателей, редакторов журналов – носителей разного опыта и знания, чтобы сообща подумать над темой «Энциклопедии и современное образование». Инициатива сегодняшнего события принадлежит редактору «Новой энциклопедии» В. Кареву, а идея возникла случайно, как всякое счастливое событие. Побывав однажды в нашей редакции, Владислав Михайлович высказал мысль, что тема энциклопедии как формы знания, формы организации общения и совместной деятельности, важная и сама по себе, сегодня во многих отношениях становится весьма актуальной.

На мой взгляд, сформулированные вопросы – действительно хороший повод и благодатная почва для обсуждения предельных оснований модернизации системы современного образования. Дело в том, что предлагаемые проекты так называемой «оптимизации» организационных и экономических механизмов ее функционирования выводят на фундаментальные метафизические вопросы о смысле знания и образования вообще. Эти вопросы сегодня активно обсуждаются на страницах нашего журнала: образование – это услуга? Студент – это клиент?

В связи с мотивами организаторов нашей встречи отмечу лишь два аспекта. Владимир Григорьевич говорил здесь о «трансформирующей силе знания». Я бы выделил также ее мобилизующую и консолидирующую роль. В этом контексте хотелось бы подчеркнуть, так сказать, социально-практический характер нашего мероприятия. Научно-педагогическому сообществу сегодня чрезвычайно важен любой опыт самоорганизации перед лицом

очередных социоинженерных экспериментов, опыт своего рода гражданского сопротивления бюрократическому произволу, осуществляемому с абстрактно-редукционистских позиций экономической целесообразности. Ценен сам опыт консолидации научного сообщества, мобилизации его символических ресурсов, опыт коммуникации вокруг общезначимой социальной проблемы. Между прочим, классический проект энциклопедии, как он был реализован исторически и осуществляется поныне, – хорошая модель организации коллективной деятельности единомышленников – подвижников просвещения. Так что бесценен сам факт совместного говорения и доброжелательного слушания друг друга – как опыт организации солидарности и сотрудничества. Мероприятия, подобные нашему, – островки самостоятельного порядка в хаосе постмодернистского «anything goes».

Следующий момент – когнитивный. Заявленная тема близка всем присутствующим, ибо каждому из нас приходится выступать в ипостасях ученого, редактора, издателя, преподавателя. И

тем не менее это – разные роли. Кафедра – это не отдел научного института, а редакция периодического издания – это не редколлегия «нетленки». Поэтому из взаимодействия, общения разных дискурсов, основанных на уникальном опыте, может получиться оригинальный интеллектуальный продукт – некое знание о сущности энциклопедического знания. Разумеется, и о сущности знания вообще, которое, конечно же, отнюдь не сводимо к информации и, безусловно, не является товаром. Знание и образование – ценности онтологические. Впрочем, этот тезис является тривиальным следствием из современной философии науки, настаивающей на коммуникационно-деятельностной природе знания и образования.

В конечном счете, мы работаем для нашего читателя – педагогов, ежедневно выполняющих свой долг, ведомых энциклопедическим пафосом служения «истине» и гносеологическим идеалом цельного, фундаментального знания.

Итогом нашего разговора могло бы стать некое бытийное понимание, лежащее в основе единства нашего сообщества. Его нужно строить и воспроизводить сообща, общими усилиями.

Н. КУЗНЕЦОВА: «Энциклопедизм – «уходящая натура»?»

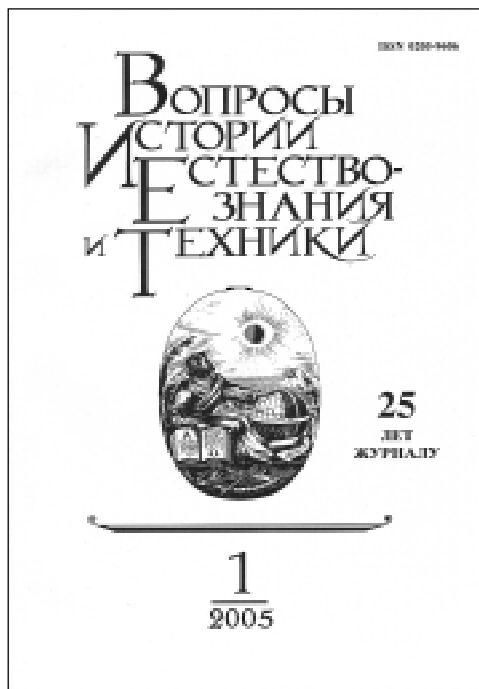
Мне кажется, что наша встреча современна, интересна и полезна во многих отношениях. Здесь собрались исследователи (те, кто изучали феномен энциклопедизма в различных социокультурных обстоятельствах), издатели современных энциклопедий, а также практики-педагоги высшей школы, т.е. те, кто пользуются этими изданиями и учат студентов пользоваться ими. У нас в этом плане – широкое смысловое пространство для дискуссий.

Мы можем поставить несколько задач для нашего совместного разговора. Во-первых, можно поставить вопрос о

смысле и значении самого феномена энциклопедизма; во-вторых, обсудить вопрос о том, возможно ли в сегодняшней педагогической практике стремиться к формированию энциклопедически образованного человека (не утопия ли это?); в-третьих, мы, вероятно, должны стремиться достичь взаимопонимания с теми, кто издает энциклопедии для современного пользователя.

Я сегодня хочу не столько высказать какое-то уже твердо сформировавшееся мнение по перечисленным вопросам, сколько поделиться предварительными ощущениями по поводу того, что происходит в данном секторе издательского рынка и каковы мои запросы как пользователя подобной интеллектуальной продукции.

Сразу скажу, что я лично – большой любитель (даже можно сказать – гурман) разнообразных энциклопедических изданий; по мере возможности моя семья собирала и культивировала пользование энциклопедиями, ограничивая себя в этом отношении только

размерами более или менее просторной московской квартиры. Так что вполне конкретные наблюдения за динамикой подобных изданий у меня имеются. Кроме того, все мы, здесь присутствующие, заняты преподаванием, причем размер этой нагрузки стремительно растет. В этом плане я, как практик, достаточно хорошо представляю, с какой студенческой аудиторией имею дело, а также то, что мне как педагогу высшей школы сегодня необходимо.

Хорошо известно, что современный цивилизованный мир развивается с колоссальной скоростью, радикально обновляя не только товарную продукцию, но и сами рабочие места. Невозможно предсказать, какие специалисты и в каком количестве будут необходимы на рынке труда даже через пять лет (а это и есть срок студенческой жизни). Помимо прочего, это вызывает совершенно естественный вопрос: нужен ли в таком динамичном контексте так называемый «энциклопедист»? Что у него в голове, кроме тренированной памяти? Ведь сами энциклопедии не призваны отражать передний фронт знаний, а только то, что признается «устоявшимся», «общепризнанным». Кроме того, еще Гераклит весьма мудро заметил, что «многознание уму не научает». Не противоречит ли задача приобретения широкой эрудиции задаче освоения исследовательских навыков, приобретения такой, знаете ли, «охотничьей хватки» для освоения нужной информации в данный момент, для данной ситуации?

Быть может, «энциклопедически образованный человек» – некогда идеал образования – должен перестать быть таким идеалом? Быть может, с этой утопической педагогической идеей по размышлению здравом надо попросту расстаться? Очевидно, при современном уровне специализации, дифференциации профессиональных знаний воплотить этот идеал невозможно, а

следовательно, он подлежит, как минимум, корректировке.

Правило, которым мы пользуемся, – простое: если хочешь что-то узнать, спроси у профессионала. Главное – сориентироваться, какой же именно профессионал тебе в данный момент необходим. И вот тут – обратите внимание! – именно энциклопедические издания позволяют держать необходимую информацию не в собственной оперативной памяти, а на книжных полках. Иначе говоря, следует воспользоваться общедоступной социальной памятью, именуемой «энциклопедия», – будь она представлена в бумажной или электронной форме.

Последнее – т.е. книга в электронной форме – колоссальное техническое изобретение последнего времени! «Большая советская энциклопедия» 5-го издания (более 50 томов), а также «Энциклопедический словарь» под ред. Брокгауза и Ефрона (более 80 томов) теперь не должны занимать энное количество (весьма большой, прямо сказать, метраж) моих книжных полок, а покоятся в небольших коробочках где-нибудь прямо перед носом. Как не радоваться подлинному книжнику, что теперь у тебя есть такие удивительные возможности быть «эрудитом» и не бояться при этом, что когда-нибудь полки обрушатся от невероятной тяжести!..

Другое дело, что пользование энциклопедией также требует определенной культуры. Энциклопедия – не учебник, и принцип систематизации помещенных в нее знаний далек от предметности. Студент не может знать, где, в каких отраслях исследовательской практики были собраны те или иные знания, какими усилиями они добывались, сколько лет труда понадобилось для того, чтобы он прочитал коротенькую статью на интересующую его тему и т.п. Перед ним – всего лишь алфавит-

ный список статей на разные темы. Да и не всякую энциклопедическую статью студент может освоить, понять, просто законспектировать. Не всегда он способен увидеть логическую связь основных тезисов в рамках коротенького текста. Этому должны научить мы, педагоги. Образование вообще, как мне кажется, только знакомит, только «распахивает двери» в различные сферы (комнаты) профессиональной деятельности, а студент сам должен определить, в какой из этих сфер (комнат) ему хотелось бы «жить», какую из комнат он будет «обустраивать», наполнять содержанием, добытым собственной деятельностью. В рамках такого представления одной из моих педагогических задач будет именно задача научить студента пользоваться энциклопедическими изданиями в разных контекстах его жизнедеятельности, сделать его таким образом «культурным пользователем» современных энциклопедий. При этом я, конечно, рассчитываю, что современные издания обеспечат самое-самое, насколько это возможно, качественное представление накопленной информации.

Вот это составляет проблему, решение которой зависит уже от «культурного уровня» издателей. Энциклопедия энциклопедии рознь. Когда я вижу очередную толстенную книгу – очередной тематический «Энциклопедический словарь» или целую новую «Энциклопедию», то первым моим спонтанным желанием бывает всегда одно: купить, и немедленно! Слава Богу, я научилась себя сдерживать и этому же должна научить студента. Надо внимательно посмотреть, какую задачу ставили издатели, можно ли им доверять, т.е. способны ли они составить хороший словник, подобрать «адекватных» авторов и тому подобное. От своих студентов я наслушалась самых странных речей, а когда спрашивала, откуда, из каких недр

они подобное изъяли, мне показывали очередной новомодный, наспех подготовленный «Словарь». Чего тут только нет! В «Философском словаре», который подготовили в Минске, помещена, например, статья о «Системомыследеятельностной методологии» (концепция Г.П. Щедровицкого), где сказано черным по белому, что таковая началась с трудов Парменида, т.е. в Древней Греции, у элеатов. Допустим, это курьез. Есть другие, не слишком смешные примеры. Недавно муж, очень гордый, принес электронную версию якобы БСЭ, очевидно пиратскую, которую он купил в киоске «Роспечати». Открываем, смотрим на букву «А» – «Алгебра», и с удивлением понимаем, что данная статья изъята из «Словаря» Брокгауза и Ефрона. Как вы догадываетесь, узнать здесь, каковы разделы алгебры XX века, просто невозможно. Зато имеется статья про Томаса Куна – коротенькая, на несколько строк: даты жизни, американский философ, автор книги «Структура научных революций». Нет, энциклопедически образованным эрудитом при таком издании никак не станешь. Я начала коллекционировать подобные курьезы, их весьма немало.

Иной раз приходится констатировать, что многие энциклопедические издательства просто преступно обращаются с пользователем. Порой невозможно понять, какова политика отбора тем, авторов, принцип составления словника, каковы вообще стратегические цели издания? Я понимаю: раз энциклопедии в моде, надо занять место на рынке. Но по каким параметрам определяется «ниша», вызывающая необходимость данного издания? Когда предпринято какое-то переиздание, то следовало бы указать, что именно переиздается. Упомяну в связи с этим неплохую в целом «Краткую философскую энциклопедию», которую издала

Издательская группа «Прогресс» в 1994 г. Опубликовано 3500 статей по всем разделам философии. Указано, что статьи переводные – но откуда? Кто авторы? С какого языка переведены, и то не сказано. Зато в аннотации сформулирована высокая претензия: «Это первая в России за последние 75 лет попытка дать непредвзятую картину философии от времен античности до наших дней». Для того, чтобы «вычислить», кто автор весьма нетривиальной статьи «Этика», я проводила целое исследование. Благо, обнаружила в собственной библиотеке «Философский словарь» (М., 1961), который издавали под грифом «Для научных библиотек», т.е. для целей критики зловерной «буржуазной философии», и там было указано, что данный словарь представляет собой перевод с немецкого. Тут обнаружилась и интересующая меня статья, и нашлось имя автора – им был не кто-нибудь, а Карл Ясперс. Спрашивается, какая такая скромность заставила издателей скрыть имя автора?.. Во всем этом видно, конечно, колоссальное падение издательской культуры. Хоть какой-то кодекс чести должен соблюдаться!

Однако отрадных примеров тоже немало. С удовольствием работаю с четырехтомной «Новой философской энциклопедией», которую подготовили в Институте философии РАН (М., 2001). В чем ее основной недостаток? Недоступность. Она дорогая, цена более 2-х тысяч рублей. Но ее все равно негде купить, не знаю, какой был тираж. Как я могу ее рекомендовать студенту? Уровень этого издания, особенно в историко-философской части, просто отличный. На всякий случай перед лекцией я заглядываю туда, чтобы сверить, как говорится, свои «стрелки» в понимании излагаемой темы с теми «стрелками», которые общеприняты для современного профес-

сионального сообщества. Отличный энциклопедический словарь «Этика» вышел в 2001 г. под редакцией Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова (издательство «Гардарики»). Бесценное подспорье для моего курса по философской этике! Гораздо более ценное, чем все изданные учебники по этому предмету вместе взятые. Вот если бы нашлись издатели, которые перевели бы эти достойные издания в электронную форму, чтобы по нормальной цене они стали доступными практически по всей территории России, могли быть использованы во всех профильных вузах страны всеми, кто пожелал «быть эрудитом»!

И, наконец, несколько слов о динамике энциклопедических изданий. Удивительно интересно анализировать тенденции в «перепонимании» основных философских терминов, когда сравниваешь «Философскую энциклопедию», изданную при советской власти, и нынешнюю. Гуманитарная мысль наша, бесспорно, стала объемной, незажатой, оригинальной в лучшем смысле этого слова. К слову сказать, потрясающе информативным до сих пор остается и «Словарь» Брокгауза и Ефрона; некоторые гуманитарные статьи интересны не только с исторической точки зрения, но поражают до сих пор своей глубиной и тонкостью. Они зачастую выглядят свежее, чем новые тексты, потому что действительно нетривиальны. Кроме того, какой аромат ушедшей навсегда серьезной, неспешной, иной стилистики – классической филологической культуры дореволюционной России! Воспитательный эффект такого чтения трудно выразить в словах.

Бросается в глаза, сколь безотрадно идеологичны были наши энциклопедии! Не только философские словари, словари по марксистской этике, психологии и т.п. Тут без партийной цензу-

ры не обходилось никогда: «теория», бесспорно, должна была «отражать реальность», позитивизм и экзистенциализм были «реакционными буржуазными течениями» и т.д. и т.п. Даже обычный «Большой энциклопедический словарь» 1989 года, помнится, с совершенно определенной пугающей интонацией сообщал публике, что граф Д.А. Толстой был «реакционер» и, будучи министром просвещения, «насаждал в России классические гимназии»! Не стоит повторять, какие гадости писались про такие «лженауки», как кибернетика, генетика, квантовая механика и т.д. Нынешний студент даже не верит, что такое было. Радостно, что над этим можно просто посмеяться и тебе не грозит «неуд» на экзамене. Радостно, что спокойная, неидеологическая, можно сказать, – неперекосенная, светская, рациональная точка зрения составителей и авторов энциклопедий стала доминировать.

Не хотелось бы мне, однако, чтобы в современных условиях философия, теология и наука слились в едином порыве какого-нибудь новейшего энциклопедического издания. Предпочитаю, чтобы появились, если надо, три независимых «Словаря» – слишком разные сферы мышления должны быть представлены. Не надо неоправданных новаций. Революции пусть происходят на соответствующих исследовательских фронтах. Не хотелось бы мне также встретить где-нибудь в «Академкниге» новенькие «Энциклопедии» по хиромантии, астрологии, алхимии и прочим эзотерическим практикам. Пусть этими сферами интересуются историки науки! Предоставим им слово и не будем «пудрить мозги» читателям, предлагая самим разобраться, что предпочесть – научные знания или оккультные картинки.

Можно только пожелать удачи тем издателям, которые осознают серьез-

ность своей культурной миссии и соблюдают все необходимые профессиональные требования в работе, от которой зависит, в частности, чистота нашего «интеллектуального пространства». Хаос в умах, который иногда отражают нынешние энциклопедические издания, – это кризис нашей базовой культуры, кризис основ жизнедеятельности в широком смысле слова.

В. ШЕЛОХАЕВ: «У издательств должна быть собственная научная политика»

Хотелось бы поделиться опытом работы издательства «Российская политическая энциклопедия». К концу 80-х – началу 90-х гг. было уже ясно, что монополия на подготовку энциклопедий, которая принадлежала, по крайней мере, двум издательствам – «Политиздату» и «Мысли», закончилась. Ситуация была обусловлена общим кризисом всей мировоззренческой системы, господствовавшей при коммунистическом режиме. Не буду вдаваться в подробности, какими были изданные в советскую эпоху энциклопедии, скажу лишь, что они были продуктом своего времени. В них содержалось много хороших статей, однако исходные позиции были, естественно, весьма идеологизированы и политизированы. Именно в тот критический период у небольшого коллектива ученых возникла идея: не претендуя на издание масштабных энциклопедий, попытаться найти собственную нишу – приступить к подготовке и изданию энциклопедий тематического характера. Такая ниша была обретена, когда была создана новая структура, а именно – издательство «Российская политическая энциклопедия», РОССПЭН.

Для своей деятельности нами было определено собственное проблемное поле, включающее идеологию, политику, историю общественной мысли и историю политических структур. Один

из ключевых моментов в нашей работе заключался в том, чтобы новое издательство находилось в постоянном контакте с лицами, которые занимались наукой профессионально. Нас интересовали, в первую очередь, тенденции развития предметного содержания научного знания соответствующих областей, и, на мой взгляд, такое отношение к науке должно быть неременным условием в работе над любыми энциклопедическими изданиями. Иными словами, поставленная нами задача была продиктована, прежде всего, научными интересами, а не потребностями рынка.

К сожалению, лица, которые находятся во главе современных издательств, ориентируясь на массовый спрос и прибыль, зачастую пренебрегают потребностями развития собственно научного знания. Именно поэтому возникает масса скороспелого издательского продукта, который быстренько komponуют и выбрасывают на рынок. Конечно, цена у этого продукта соответствует его качеству.

Для нашей работы мы выбрали принципиально иной подход, исключительно научный. Мы решили подготовить вначале политическую энциклопедию «Политические партии России». В статьях по данной тематике предшествующих энциклопедий, во-первых, не давалось представления обо всех партиях, а во-вторых, изложение носило исключительно идеологический характер. В результате читатель не получал ясного и четкого представления о системе политических партий, их истории и т.д.

Для того, чтобы решить поставленную задачу, мы собрали коллектив, насчитывающий приблизительно около сотни профессионалов. Каждый из них посвятил значительную часть своей жизни разработке истории политических партий России. При подготовке

статей мы отказались от некоторых ранее принятых стандартов. Нас не устраивала установка ориентироваться только на количество знаков. Мы отошли от этого формального принципа – нам нужно было совершенно другое информационное поле, которое позволяло бы потребителю пользоваться книгой для самых разнообразных задач. Обратите внимание: если в прежней энциклопедии политическим партиям было посвящено всего 5–6 статей, то мы подготовили 137 статей. Таким образом, мы расширили границы знания по всем параметрам – по структуре, по идеологии, по стратегии, организации, тактике и т.п.

Когда мы подготовили и издали эту энциклопедию, то решили не переиздавать ее скороспело, хотя она мгновенно разошлась. Мы решили расширить то, что было сделано. На основе первой энциклопедии начали готовить новый масштабный проект – «Политические партии России. Документальное наследие». Это издание также можно считать энциклопедическим – оно позволило представить историю российских политических партий во всех системообразующих аспектах. В настоящее время вышло 40 томов. Думаю, в перспективе мы еще возвратимся к этой энциклопедии, стараясь ее совершенствовать и улучшать.

Одновременно с работой по подготовке вышеупомянутой энциклопедии издательство приступило к созданию энциклопедии «Русское зарубежье». Для того времени подобное издание было новинкой. Мы попытались оперативно удовлетворить потребность в информации, недоступной долгие десятилетия. Нам удалось во всех основных аспектах показать интеллектуально-культурное поле, которое возникло и приумножилось в зарубежье, о котором в советских энциклопедиях говорилось с оговорками. По сути, этим

изданием впервые был создан, образно говоря, «мост» между двумя половинками разорванной в XX веке российской культуры – культурой зарубежной и той, что осталась и продолжала существовать в России.

Наша работа показывает, что у издательств должна быть своя собственная политика. Суть ее состоит в том, что во главе издательских структур должны находиться люди, которые не просто обладают организаторскими способностями, а непосредственно связаны с наукой и имеют тесную связь со своей референтной группой, черпая именно здесь своих авторов. Одним из важных условий такой работы должно быть предоставление каждому автору творческого простора и отсутствие какого-либо диктата. Например, нас критиковали за то, что статьи в наших энциклопедических изданиях не отвечают традиционному единому стилю. Мы, действительно, можно сказать, впервые дали простор авторам при изложении информации, которой они обладали. Однако такой подход к созданию энциклопедий полностью себя оправдал. Наши книги выдержали уже несколько переизданий и остаются востребованными на читательском рынке.

В дальнейшем издательство начало постепенно расширять поле аналогичных фундаментальных изданий. Недавно вышла энциклопедия «1812 год». Она посвящена юбилею Отечественной войны 1812 г. и, надеюсь, значительно расширила представления о тех событиях как в международном, так и особенно внутрirosсийском контексте. Издательство «РОССПЭН» выпустило энциклопедию «История масонства». Эта тема, несомненно, интересная и востребованная, хотя и сложная, и остросюжетная. В издании содержится огромная фактография, позволяющая воссоздать сложную картину генезиса, формирования и эволюции масонства

на Западе и в России. В настоящее время завершена работа над книгой «Общественная мысль России», при подготовке которой участвовали более 120 авторов. Вскоре она выйдет в свет и, надеюсь, вызовет широкий читательский интерес. Следующая наша работа – «Общественная мысль русского зарубежья». И, кроме того, издательство готовит три фундаментальные энциклопедии, посвященные различным аспектам российской идеологии и политики. Эти энциклопедии будут посвящены таким темам, как «консерватизм», «либерализм» и «радикализм». Все три тома будут строиться по единому замыслу, в единой технике оформления, сохраняя при этом свободу авторского изложения. Одна из последних творческих идей состоит в том, чтобы подготовить энциклопедии, посвященные истории Государственной Думы и Государственного Совета. Несмотря на обилие публикаций о Государственной Думе, до сих пор не было создано фундаментального энциклопедического издания о российском парламенте.

Обобщая вышесказанное, можно выделить некоторые важные тенденции на энциклопедическом издательском поле. Во-первых, рухнула и ушла в прошлое монополия на издание энциклопедий, и это, несомненно, является позитивным моментом. Во-вторых, у новых издательских коллективов появилась возможность создавать профессиональные авторские коллективы, которые готовят издания энциклопедий с учетом всех современных знаний.

К сожалению, существует важный негативный фактор, который сдерживает процесс обращения многих издательств к энциклопедической тематике. Такие издания коммерчески совершенно нерентабельны. Получается, что гораздо проще и дешевле не создавать новое знание, а вырезать одиночные

статьи из «Брокгауза и Ефрона» или других старых энциклопедий. По моему мнению, одна из основных причин появления многочисленных некондиционных статей в современных энциклопедических изданиях состоит в том, что издательства просто-напросто экономят средства. Пример и опыт нашей работы показывают: если уж ты выбрал для своей деятельности энциклопедическое издательское поле, нужно быть готовым на большие финансовые затраты. Конечно, и эти затраты без поддержки фондов не может выдержать ни одно издательство. В частности, я очень благодарен присутствующему на сегодняшнем заседании Евгению Васильевичу Семенову, который долгое время возглавлял РГНФ. Он понимал значение подобного рода изданий и более 10 лет поддерживал наши начинания. Иными словами, без поддержки государственных институтов или общественных фондов невозможно создать качественное энциклопедическое издание. К сожалению, таких государственно мыслящих людей становится все меньше. Сегодня мы наблюдаем усиление тенденции ухода государства из образования, из науки, в том числе и из издательской сферы. По моему мнению, эта тенденция является одной из колоссальных ошибок, которая приведет к превращению образования и некоторых научных отраслей в зыбкое поле коммерческой деятельности.

В заключение хочу обратить внимание на то, что сегодняшняя беседа кажется мне чрезвычайно своевременной. Более того, наш разговор, несомненно, выходит за рамки чистой теории. Обсуждение уже поднятых вопросов органически должно быть связано и с другими – вопросами государственного финансирования, иных форм помощи со стороны государства. Продуманная централизованная политика

поддержки работ, которые формируют нового современного, энциклопедически образованного человека, бесспорно, себя оправдывает.

В. МЕЖУЕВ: «Учит живой человек живого человека»

Как ни крути, энциклопедии и энциклопедические издания относятся сегодня к разряду справочной литературы. Я не представляю себе человека, читающего энциклопедию от корки до корки. Конечно, справочные издания очень важны, они облегчают поиск информации. Но как они соотносятся с представлением об энциклопедии как форме систематизации накопленных знаний?

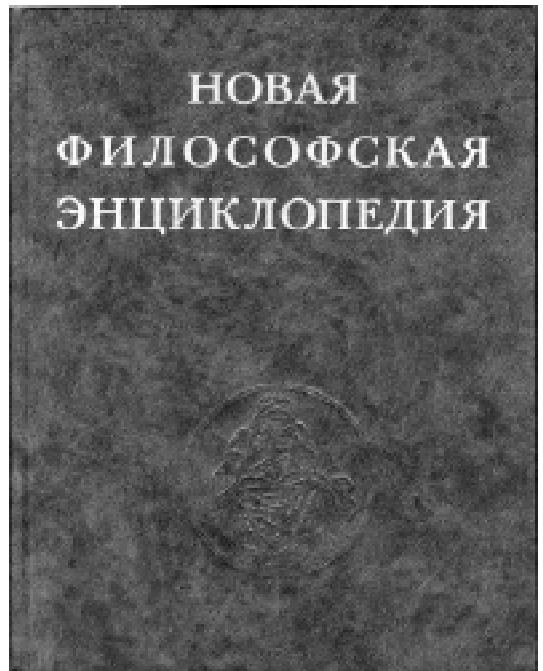
Энциклопедия, как я ее понимаю, прежде всего, европейское предприятие. Возможно, в других культурах и цивилизациях тоже есть свои энциклопедии, но создание какой-то «надцивилизационной», универсальной энциклопедии не кажется мне слишком перспективной задачей. Целью энциклопедий (а не тех справочников, которые у нас называют «энциклопедиями») с момента их возникновения было стремление просветить и образовать человека в соответствии с духом и смыслом европейской культуры. Энциклопедия информировала обо всем, но под углом зрения того, что важно и необходимо знать человеку, принадлежащему к европейской культуре. Пока мы рассуждаем об универсальных языках и мировых цивилизациях, связь с культурой, которая породила саму идею энциклопедического знания, отступает на второй план, а вместе с ней теряется и смысл данного предприятия.

Каковы пределы систематизации знания в энциклопедических изданиях? Как они связаны с образованием? В каком вообще смысле можно говорить об «энциклопедически образованном человеке»? Связь с просвещением и об-

разованием здесь, конечно, решающая. Речь, разумеется, идет не о человеке, прочитавшем все энциклопедии, сколько их есть на свете. Под энциклопедическим образованием следует, видимо, понимать не узкопрофессиональное обучение по той или иной специальности, а именно образование (формирование, развитие) самого человека как духовного или культурного существа – то, что немцы называют словом «Bildung». В немецкой философии XIX в. слова «образование» (Bildung) и «культура» употреблялись как синонимы, обозначали специфически человеческий способ формирования задатков и склонностей. Для Гегеля, например, образование – «подъем ко всеобщности»; сущность человеческого образования состоит в том, что человек делает себя во всех отношениях существом духовным. В ходе образования человек жертвует своим особенным, частным ради всеобщего. Практическое образование – это труд, теоретическое – «нахождение себя в другом», под которым Гегель – сторонник классического образования – понимал изучение древности, прежде всего античной. По словам Гадамера, образование для Гегеля состоит в том, что «каждый отдельный индивид, поднимающийся из своей природной сущности в сферу духа, находит в языке, обычаях, общественном устройстве своего народа заданную субстанцию, которой он желает овладеть». Индивид в процессе своего образования как бы должен пройти все ступени развития мирового духа (или культуры), в том или ином виде вобрать их в себя. Немецкие философы стремились представить всю историю человеческой культуры в систематическом виде, французские просветители, более склонные к эмпирическим методам описания и классификации, – в энциклопедическом. Немцы хотели образовать человека, французы – его

просветить. Энциклопедия – та же история мировой культуры, только представленная в форме не последовательно развивающейся системы, а эмпирического обзора всех ее достижений, построенного по принципу алфавитной или какой-то другой классификации.

В любом случае очевидна связь энциклопедического знания с тем, что раньше было принято называть классическим образованием, причем как гимназическим, так и университетским. Целью такого образования было не просто обучение человека определенной профессии, но и создание культурной элиты общества, способной выполнять в обществе разные функции – не только в области фундаментальной науки, но и в практической деятельности, например, в сфере политики и управления. На Западе традиция такого образования сохраняется до сих пор: об уровне образованности человека судят, прежде всего, по тому, какой университет он закончил. А полученное им высшее образование является

здесь свидетельством не только его профессиональной подготовки, но и общей культуры.

В чем состояло классическое образование? Оно включало в себя как бы три образования – философское, теологическое и научное, дополняемое знанием классических языков (древнегреческого и латыни). Наличие философского и теологического факультетов, наряду с другими, считалось обязательным для любого европейского университета, а знание философии и основ христианского богословия – неотъемлемым элементом системы университетского образования. Это и понятно: каждому из этих образований соответствует одна из великих эпох европейской истории. Знание философии, несомненно, стояло на первом месте в античной системе образования, уступив в Средние века лидерство теологическому знанию. В Новое время на первый план в образовательной деятельности, безусловно, выходит наука. Европейски образованным человеком считается тот, кто достаточно свободно ориентируется в этих трех великих эпохах европейской культуры. Сказанное не означает, что человек должен одновременно совмещать в себе три роли – священника, философа и ученого (хотя случалось и такое), но его образование неполно, если исключает из себя какое-то одно из этих знаний. Это и есть то, что я понимаю под энциклопедическим образованием.

Современное образование, как известно, все больше подпадает под власть разного рода информационных технологий. В какой-то мере это соответствует тому, что происходит в самой науке, все более зависимой от потребностей технического развития. Ценность научных открытий измеряется ныне их техническими приложениями. Наука уже – не столько поиск Истины, как считалось ранее, а лишь

средство, инструмент для осуществления определенных технических проектов или заданий политической власти. Это относится не только к естественным, но и к социальным и гуманитарным наукам. Что, например, понимается у нас сегодня под политологией? Разработка политических технологий, призванных обслуживать интересы власти. Политолог и политтехнолог в понимании многих – одно и то же. Не-что похожее происходит и в культуре в целом. Считается, что технические новшества в области передачи информации (телевидение и всевозможные электронные средства) – это и есть современная культура. Техническое средство становится самоцелью, вытесняя собой все другие культурные цели и смыслы. Аналогичные процессы происходят и в сфере образования. Компьютер в системе образования все больше претендует на то, чтобы заменить собой учителя. Получает развитие так называемое дистанционное образование, в котором прямой контакт ученика с учителем вообще исключен. Поставляя информацию, компьютер, однако, не может учить, не может заменить собой живую личность в процессе преподавания. Он и выступает сегодня в роли современной энциклопедии, сводя образование к получению готовой информации по изучаемому предмету или избранной специальности. Если в подготовке узкого специалиста компьютеризация образования дает какой-то положительный эффект, то в качестве средства общекультурного образования человека ее положительное воздействие весьма сомнительно. Смена классического университетского образования на узкопрофессиональное и приводит к превращению энциклопедии в простой справочник по разным отраслям знания. Современные студенты, насколько я знаком с ними, много запоминают в изучаемой

ими области знания, но мало что знают и понимают в окружающем их мире, особенно в его истории и культуре.

По-моему, люди, занятые созданием современных энциклопедий, должны руководствоваться определенным пониманием, видением, если угодно, определенным идеалом культуры, которому они хотели бы следовать в своем предприятии. Важно знать не только все обо всех культурах, но и то, какую культуру ты защищаешь, считаешь своей, через призму какой из них смотришь на все остальные. Для изданий подобного рода нужна определенная культурная (не путать с политической) идеология, или, как говорят философы, определенная идея культуры. Без нее, как мне кажется, любая энциклопедия становится всего лишь видом информационной службы, технологическим, но никак не культурным проектом, претендующим на роль духовного события в жизни современного общества. Мне понравилось, что здесь говорили о борьбе письменной, книжной культуры с техногенной. К сожалению, несмотря на то, что сегодня издается довольно много книг, результат этой борьбы складывается пока не в пользу книжной культуры. Теперь читают мало, либо вообще не читают, либо читают бог весть что. Скоро, кажется, уже буквари не будут читать, а будут учить буквы и слова по картинкам на экране. Но, тем более, энциклопедические издания должны стать на защиту той культуры, которая способна донести до читателя то, что не покрывается никакой технически репродуцируемой информацией.

В. ВЕРЯСКИНА: «Образование – это категория бытия»

Я хотела бы поддержать идеи, высказанные главным редактором журнала «Высшее образование в России». Прежде всего, обращу внимание на две

мысли: о самоценности образования и о причинах бума в издании энциклопедий. Кратко отвечая, я думаю так. Сегодня мы все видим, что в нашем обществе далеко не «Новые философские энциклопедии» являются предметом вождельных мечтаний масс. Давайте посмотрим на книжные развалы и удивимся беспредельной фантазии в названиях энциклопедий, представленных на все случаи жизни – от энциклопедий половой жизни до энциклопедий садовода и огородника. И она, подобная литература, находит своего читателя, своего потребителя.

Зададимся вопросом: почему мы сейчас наблюдаем взрыв энциклопедизма? Я думаю, что причины здесь достаточно глубокие, и они связаны не только с коммерциализацией культуры, но и с процессами глобализации, культурного влияния.

Современному человеку необходимо обеспечить выживание в изменившихся условиях, сформировать новую идентичность. И есть способ идентифицироваться с какими-то определенными принципами жизни, создать имидж, не слишком себя напрягая. Поэтому и существует, на мой взгляд, такая многообразная палитра различного вида энциклопедий. Это один из видов жизнесохраняющих практик, я бы так сказала. Но уровни и качество жизнесохраняющих практик могут быть разными. Это может быть уровень высоких культурных притязаний, а может быть и уровень, адекватный потребностям и запросам известных групп населения.

Я подготовила для нашего журнала статью «Динамика развития человеческого потенциала в России и приоритеты высшего образования». Она непосредственно вписывается в тот круг проблем, которые мы обсуждаем. По тем данным, которые представляет Всемирный банк, в России идет про-

цесс (и в абсолютном выражении, и относительно других стран) устойчивого снижения человеческого потенциала, в том числе и количественно выражаемого индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП).

В Докладах О. Миронова, а затем В. Лукина приводятся очень тревожные данные о состоянии подрастающего поколения, касающиеся их здоровья в целом, т.е. жизнеспособности тех, кого нам предстоит обучать. Например, мы занимаем второе место в мире по уровню самоубийств (70 человек на 100 тысяч населения), занимаем в рейтинге стран второе место по убийствам. Считаю, что образование должно, обязано реагировать на эти факты. Поэтому приоритет образования для всех уровней (среднего, высшего и т.д.) – это прежде всего сохранение человеческой жизни, в том числе – через культурный контекст. Это сохранение жизнеспособности российского человеческого ресурса, формирование посредством обучения и воспитания жизнеспасающих практик, способствующих реализации человеческого потенциала.

На интернетовских сайтах есть клубы по интересам, например клуб самоубийц. Пожалуйста, заходите на сайт, вы получите все способы, с помощью которых можно уйти из жизни. А что представляет собой самоубийство как социальный феномен? Это низкий уровень адаптивных возможностей, в конечном счете, низкий уровень культурного потенциала человека, который предпочитает не бороться в экстремальных ситуациях. Поэтому образование должно ориентировать человека на то, чтобы суметь выстоять и сохраниться в самой критической ситуации.

Хочу обратить внимание, не раскрывая детали, на одну интересную мысль Макса Шелера. В работе «Формы знания и образования», написанной

еще в начале XX в., он выделяет три типа знания: господство над окружающим миром дает научное знание, философия дает «образовательное» знание, а знание «спасительное» дает религия. Это перекликается с тем, что говорил Вадим Михайлович Межуев. Важно подчеркнуть, что сегодня вопрос стоит, конечно, и о приоритете в системе знаний, и об иерархии типов знаний, и об их взаимодополнительности. Мы не можем делать акцент только на одном из видов знаний, игнорируя другие виды.

Теперь о модели образованного человека. Вопрос: что понимать под образованием человека? Информационную насыщенность данного узкого специалиста, которого мы готовим, или же категорию бытия? Быть образованным – это значит уметь распоряжаться своей жизнью, значит иметь возможность делать осознанный выбор, на определенных культурных основаниях. Необходимо рассматривать образование в широком, экзистенциальном контексте, т.е. как категорию бытия. «Образованный» – это не тот, кто много знает, или тот, кто может в соответствии с законами предвидеть и управлять процессами. В первом случае – это ученый, во втором – менеджер. Образованным является тот, кто овладел структурой своей личности с помощью культуры, получил стойкий культурный иммунитет. В таком случае и негативное влияние не станет деструктивным. Именно поэтому энциклопедизм и нужен. Мне кажется, сегодня академическая наука теряет свои потенции влияния по сравнению с захлестнувшим нас рыночным продуктом, который востребован низким культурным вкусом. Следует поэтому развивать возможности трансляции высококачественного духовного продукта, потому что энциклопедизм, фундаментальное образование – это основа жиз-

несохраняющих практик, это культурное наше наследие, зерно и потенциал, который нужно оберегать.

Мне очень понравилось, что говорила Наталья Ивановна об учителе как важнейшем условии образовательного процесса, как человеку, еще способном в наше время нести в аудиторию свою жертвенность, горение. Я думаю, что роль учителя как образца для подражания, как значимого Другого никогда не может быть отменена и заменена техническими средствами. Образованный человек – это, конечно же, творческая личность, которая на основе полученных знаний самостоятельно мыслит, способна к инновациям и организации собственной жизни и руководствуется мотивами ответственности в своей деятельности.

Надо сказать, что западное общество осознало, что сегодня специалист с дипломом – это не гарантия трудоустройства и не гарантия высо-

кого социального статуса. В работах У. Бека употребляется метафора «призрачного вокзала ожидания». Имеются в виду те, кто получил профессиональное образование и лишен работы. Адаптационные возможности специалиста, ориентированного на самооценку образования, более высоки, они содержат основания для переориентации, перепрофилирования и, в целом, возможность выживания.

Проблемы, с которыми сталкивается российская система образования, характерны и для других стран, вступающих в «общество знаний»: это качество образования, его доступность, эффективность, открытость, непрерывность, но это все те вопросы, которые могут обсуждаться и решаться лишь с позиций определенной философии образования.

Продолжение следует

Совместный круглый стол журнала «Высшее образование в России» и Института человека РАН на тему «Энциклопедизм, энциклопедические издания и высшее образование в России: история и современность».

Участники: Борзенков Владимир Григорьевич – д. филос. н., МГУ им. М.В. Ломоносова; Сапунов Михаил Борисович – к. филос. н., журнал «Высшее образование в России»; Кузнецова Наталья Ивановна – д. филос. н., Институт истории естествознания и техники РАН; Шелохаев Валентин Валентинович – д. ист. н., издательство «РОССПЭН»; Межуев Вадим Михайлович – д. филос. н., Институт философии РАН; Лекторский Владислав Александрович – д. филос. н., член-корреспондент РАН, журнал «Вопросы философии»; Веряскина Валентина Петровна – к. филос. н., кафедра философии РАН; Мануильский Максим Анатольевич – к. филос. наук, журнал «Человек»; Огурцов Александр Павлович – д. филос. н., Институт философии РАН; Киселева Марина Сергеевна – д. филос. н., Институт человека РАН; Разумов Александр Евгеньевич – Институт человека РАН; Карев Владислав Михайлович – к. истор. н., издательство «Энциклопедия»; Гранин Юрий Дмитриевич – к. филос. наук, Институт философии РАН; Хохлов Юрий Евгеньевич – д. ф.-м. н., Институт развития информационного общества.

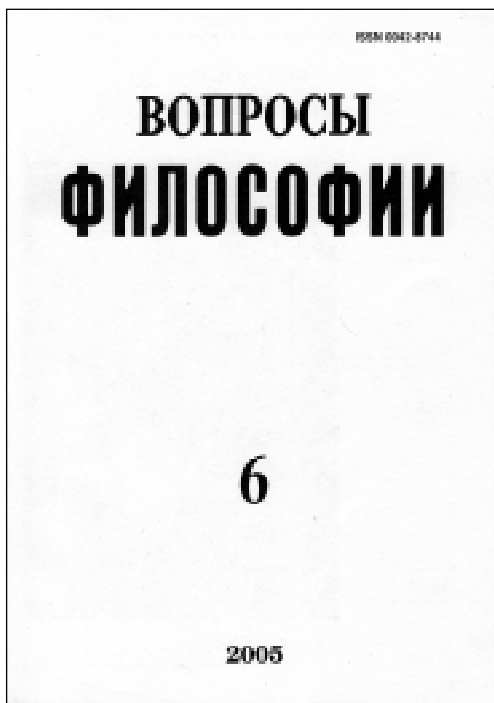
Ведущие круглого стола: В.Г. Борзенков, М.Б. Сапунов.¹

В. ЛЕКТОРСКИЙ: «Энциклопедия – способ сохранения культуры»

Здесь уже были высказаны некоторые соображения по вопросу, зачем вообще нужны энциклопедии и будут ли они нужны в дальнейшем. Поскольку я имею отношение к энциклопедиям, во всяком случае к философским, и как читатель, и как редактор (и первого варианта «Философской энциклопедии», и «Новой философской энциклопедии»), то какие-то представления об этом у меня имеются. Самое главное – почему сейчас стали издавать энциклопедии?

Что такое энциклопедия? Это не просто справочник, не просто набор статей на разные темы, расположенные в алфавитном порядке. Энциклопедии – это некая попытка выявить связи между науками, то есть попытка систематизации знаний, поскольку одна статья отсылает к другой. Одну статью прочитали, там ссылка на другую ста-

тью, список литературы. И создается некое целостное представление о системе зна-

¹ Продолжение. Начало см.: Высшее образование в России. – 2005. – № 8.

ний, что невозможно сделать в издании иного рода.

Сейчас возникает энциклопедический бум, есть потребность в энциклопедиях. Сегодня энциклопедии, издаваемые в России, раскупаются. Возможно, это, как уже сказали, нерентабельно, тем не менее некоторые энциклопедии просто невозможно купить. Их читают. И я могу понять, с чем связана такая потребность в энциклопедиях. На мой взгляд, потребность в энциклопедии появляется тогда, когда в культуре возникает необходимость переосмысления того, что есть, то есть энциклопедия – это попытка по-новому понять то, что есть в культуре. Иначе смысл издания новых энциклопедий непонятен. Ведь если есть, в конце концов, старая философская энциклопедия, зачем издавать новую?

Вообще, сейчас в мире происходит культурный слом, а в России тем более. Мы сейчас не можем по-старому смотреть на какие-то вещи, мы должны их переосмыслить. Это трудно сделать. Могу сказать на примере «Новой философской энциклопедии». В чем ее новизна? За последние 10 лет в той же философии много было сделано, были написаны тексты, которые раньше были невозможны. В каких-то областях философского знания в последнее время были получены новые результаты, но какие-то области философии оставались нетронутыми. Мне казалось, что мы не должны заниматься изданием новой энциклопедии, потому что мы еще не доросли до того, чтобы все в философии переосмыслить. А энциклопедия предполагает новый взгляд по всему кругу знаний. Поэтому это была труднейшая задача.

Вообще энциклопедия предполагает новый взгляд на все основные проблемы данной области, причем широкой области. Это способ переосмысления, ревизии, критики, переоценки, способ нового понимания. И слава Богу, что такая потребность еще есть. Потому что, может быть, она скоро исчезнет. Если разбираться в тенденциях развития науки, образования не только в нашей

стране, но и в мире, то, может быть, в будущем энциклопедия станет ненужной. Если верно мнение, что в будущем фундаментальная наука будет необходима только узкой группе людей, то тогда будут нужны только справочники типа «Как собрать автомат» или «Как приготовить шашлык». Говорят же о том, что происходит слом культуры, что мы сейчас живем в посткультуре и что постчеловек – уже не совсем человек. Если бы это было так, то тогда это все не нужно. По-моему, энциклопедизм, издание энциклопедии – великое дело. Это способ противодействия этому, способ сохранить и донести до современности то, что было создано в культуре за столетия, попытка описать ту ситуацию, которая возникла сейчас и которой раньше не было. Поэтому для меня энциклопедизм, издание энциклопедии (на современном, не халтурном уровне – халтура, к сожалению, тоже есть) есть своего рода способ ответа на те вызовы, которые ставят под вопрос и саму культуру. Об этом пишется довольно много. В самом деле, издание энциклопедии – это в глубоком смысле слова есть способ влияния на то, каким образом будут развиваться и культура, и образование, и способ противодействия попыткам обкарнать, лишить ее фундаментальных основ. Последнее, к сожалению, имеет место не только в нашей стране, но и во всем мире. Поэтому энциклопедизм для меня – попытка сохранить, не потерять то, что было сделано в культуре. Это не какой-то узкий вопрос, а вопрос о судьбе науки, культуры, образования в целом.

М. МАНУИЛЬСКИЙ: «От какого наследства мы не отказываемся»

В образовательном процессе можно выделить три важнейших источника знания: литература по специальности, в том числе энциклопедии (справочники), учебники и сведения, полученные непосредственно от преподавателя. Первоначально, в процессе возникновения и становления института образования, эти источники фактически не были дифференцированы. И на протяже-

нии многих веков под образованием в буквальном смысле слова понимали энциклопедическое образование.

Первым ученым-энциклопедистом считают римлянина Марка Теренция Варрона (116–27 гг. до н.э.). На 83 году жизни он написал свой главный энциклопедический труд «9 книг наук», где изложил систему тогдашнего образования: грамматика, диалектика, риторика, геометрия, арифметика, астрономия, музыка, медицина, архитектура. В духе греческой традиции – знание одна из высших добродетелей – знакомство с упомянутыми дисциплинами считалось для свободнорожденного человека необходимым. Примечательно, что система, предложенная Варроном, просуществовала без изменений вплоть до V века.

Следующим трудом подобного калибра и значения следует считать «Мир чувственных вещей в картинках» (1658) Яна Амоса Коменского. Книга, задуманная для чтения в школе, действительно являет собой энциклопедию. «Статей» всего 150, но представлены важнейшие, основополагающие сведения о мире и человеке: Бог, Мироздание, растения и животные, человек в его духовном и телесном устройении, нравственном измерении, семья и брак, жилище и быт, ремесла и орудия труда, земледелие, способы передвижения, медицина, искусство и образование, игра, государство и власть, правосудие, торговля, военное дело, религия.

Вообще идея систематизации знаний в пропедевтических целях волновала многие выдающиеся умы. Открываем «Город солнца», сочинение монаха-доминиканца Т. Кампанеллы (1568–1639) – старшего современника Я.А. Коменского. В распоряжении горожан всего одна книга, но какая – «Мудрость», «где удивительно сжато и доступно изложены все науки. Ее читают народу...». Более того, все шесть стен, кольцом опоясывающие город, «расписаны превосходнейшей живописью, в удивительно стройной последовательности (курсив мой. – М.М.) отображающей все науки». Это: астрономия, космография, геометрия,

Подготовлена по заказу
Министерства образования
Российской Федерации

Новая ШКОЛЬНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Человек

историография (история), поэзия, логика, риторика, грамматика, медицина, физика, политика, мораль. Напомню, перечень Варрона включал девять дисциплин, у итальянца он достиг 12-ти. Вместе с тем по многим принципиальным позициям они совпадают.

Как это ни парадоксально, обособление энциклопедизма от образования началось в эпоху Просвещения. Действительно, последнее много сделало для первого. Но *преобразование образования* было лишь одной из задач. Просветители декларировали принципиально иной (по сравнению с предшествующей эпохой) статус знания: природа существует и развивается по своим собственным законам, поэтому полученное в процессе ее изучения знание носит универсальный, независимый от человека (и, подразумевается, Бога) характер. Предполагалось, что наука может дать рациональное объяснение законов природы, откроет путь к недоступным до сих пор ее богатствам, а это, в свою очередь, обеспечит материальный и социальный прогресс человечества.

Систематизация полученных знаний – важнейшее условие овладения ими. Говоря в современных терминах, бэконовский тезис «Знание – сила» был операционализирован.

На мой взгляд, примерно до конца XIX – начала XX веков фундаментальные труды (будь то индивидуальные или коллективные работы), носящие на себе печать энциклопедизма, были основным источником знаний для общества в целом и системы образования в частности. Причем просвещенческая парадигма оставалась господствующей. Например, солиднейшее пятитомное издание «Вселенная и человечество» имеет характерный подзаголовок: «История исследования природы и приложения ее сил на службу человечеству».

Переход на рубеже веков от закрытых научных сообществ к научным институтам и лабораториям, быстрое развитие научной периодики, появление «курсов лекций», а затем и полноценных учебников оставили за энциклопедиями в основном справочно-информационные функции, с которыми они до сих пор успешно справляются. Сегодня энциклопедия – устоявшийся, востребованный литературный жанр, широко распространенный издательский продукт, авторитетный источник информации. Это, пожалуй, единственная форма традиционной книжной культуры, которая успешно конкурирует с Интернетом.

Что касается образования, то здесь энциклопедии играют важную, но вспомогательную роль, роль интеллектуально-информационного ресурса учебного процесса. Любой стандартный вузовский учебник так же, как энциклопедия, в систематическом виде излагает знания в какой-то отрасли. Но в учебнике проставлены какие-то приоритеты, есть ядро, вокруг которого организуется остальной материал, что позволяет понять логику предмета. Скажем, прочитав в учебнике по социологии, что такое теории среднего уровня, можно в самом общем виде представить, как будут выстраиваться социология молодежи, социология труда, социология города и т.д.

Логика же справочника подчинена информационным задачам.

Не буду подробно останавливаться на ключевой фигуре учебного процесса – преподавателе. Даже если он не знаком ни с одной энциклопедией по своей специальности, живое общение с ним даст студенту больше, чем обращение к толстому фолианту.

Не надо упускать из виду еще один важный момент. По своей природе энциклопедия – место, где собрано проверенное временем, устоявшееся знание, в лучшем случае представлены разные точки зрения на тот или иной вопрос. Получить самую последнюю информацию студент может только на лекции или в свежем номере журнала.

Просчеты составителей энциклопедии бывают видны скоро. Ошибки преподавателей обнаруживаются далеко не сразу.

А. ОГУРЦОВ: «Мы все еще ищем универсальный тезаурус»

В наши дни издается много разных энциклопедий – это, по-моему, прекрасно. Раньше такого не было. Однако все же ряд изданий незаслуженно называются энциклопедиями или же далеки от требований энциклопедизма. Что такое энциклопедизм? Энциклопедизм – это определенный стиль мышления, который связан с попыткой построить универсальный тезаурус, найти универсальный язык, который отличался бы от прошлого тезауруса, прошлого языка и давал бы возможность легитимировать новые способы объяснения, научные и философские инновации, новые ценности.

Универсальный язык определялся по-разному. Французская энциклопедия Дидро и Д`Аламбера, действительно, выражала идеалы французского просвещения. Она была построена на совершенно иных принципах, чем средневековые трактаты «О природе вещей» или «Об универсуме», выполнявшие функции энциклопедических сводок круга знаний своего времени, изложенных в соответствии с принципами креационизма. Средневековые энциклопедии стро-

ились по принципу семи дней творения. Французская энциклопедия выдвинула иные принципы организации текстов. Какие? Во-первых, алфавитный, атеологический, атеистический, просвещенческий, деистический. И, во-вторых, включение в состав энциклопедического знания знаний о различных ремеслах, мануфактурах, описания технических средств – машин. Для этого энциклопедического тезауруса характерно то, что он ориентировался на включение в обиход образованного человека идеалов и норм эмпирического знания, на способ введения в культуру эмпирического знания. Идеал энциклопедии и энциклопедизма сохраняется и в немецком идеализме, хотя для него характерен совершенно иной тезаурус и иное видение культуры: культура как объективация духа. Эти идеалы сохранились и у Ф. Шеллинга, и у Ф. Шлегеля, который, издавая журнал «Европа», мыслит его как Новую Библию, Книгу книг, выражающую грядущую философско-поэтическую культуру. Сохраняются идеалы энциклопедизма, прежде всего связанные с поисками универсального языка, и у Гегеля. Он называет, как известно, изложение своей философии энциклопедией философских наук. И находит такого рода универсальный язык в философии, понятой как спекулятивное знание. Здесь, конечно, представлены совершенно иные способы построения энциклопедии, чем во французской энциклопедии.

Вопрос, который можно задать, состоит в следующем: завершились ли эти поиски универсального тезауруса? Закончилось ли вместе со специализацией научного языка движение к такого рода универсальному языку в XX веке? Найден ли универсальный тезаурус или нет? Вот тут начинается проблема. Посмотрите на XIX век. Наконец, нашли способ введения научности через понятие метода. Начинают ориентироваться на поиск неких универсальных методов. В середине XIX в. наука определяется методологически, т.е. с помощью общепринятой методологии – индуктивной, экспериментальной и пр.

Были ли выделены такие универсальные методы в науках? К сожалению, нет.

Поиск единого метода как некоей универсальной характеристики науки сохранился и в XX веке. Можно напомнить идеал унифицированной энциклопедии, выдвинутый логическим эмпиризмом Венского кружка в 20-е годы XX века. Но и этот способ мышления, унифицирующий все многообразие на базе тезауруса физики, отнюдь не доказал своей значимости и обоснованности. Как известно, в XX веке выходит один том «Энциклопедии унифицированного знания», основанный на программе физикализма – свести язык всех наук к языку физики, а его – к эмпирическому языку, освобожденному от теоретических терминов. Хотя есть различия в трактовке базисного языка, например, между Морицем Шликом и Отто Нейратом, но все же основная ориентация была построить энциклопедию на основе унифицированного языка физики. Эта амбициозная программа оказалась, увы, нереализованной. Но исчезли из методологического сознания такого рода притязания на создание универсального языка? Нет. Они сохранились в теоретических исследованиях физики как «Теории Всего», где предпринимаются попытки свести к квантовой механике все: и квантовую химию, и химию вообще, и космологию, и молекулярную биологию. Это попытка построить всю структуру мироздания в терминах квантовой механики.

Еще один пример. В настоящее время остро встает вопрос о нанотехнологиях. По мнению ряда ученых, именно нанотехнологии позволят перестроить кристаллографию. Центральным понятием здесь оказывается модульный конструктивный дизайн. И вполне возможно, что нанотехнологии создадут тот новый тезаурус, который станет универсальным если не для всех, то для многих естественных наук.

Хочу еще раз подчеркнуть, что этот идеал универсального (но не унифицированного) языка отнюдь не исчез. Он пока не реализован. Все же мы сейчас переживаем дру-

гую эпоху – эпоху пролиферации теорий и их тезаурусов, расширения разнообразия специализированных языков. Распад идеологии, направленной на поиск универсального языка, достаточно явно ощущается даже в философии. Наряду с абстрактной методологией и логикой науки, существуют концепции совершенно иного типа, я имею в виду экзистенциалистские концепции. С ними связаны совершенно неожиданные и экстравагантные понятия: «встреча», «забота», «бездна» и др. Можно ли назвать такие религиозно-теологические понятия и секуляризируемые философией теологические понятия «понятиями»? Не зря их авторы называют их «экзистенциалами», а не «понятиями». Во всяком случае, это другой язык. Итак, в современной философии уже два языка – один логико-методологический, другой – универсализация экзистенциалистского языка. Но ведь существует и третий язык – язык повседневности. Это совершенно распавшиеся исследовательские программы, и найти между ними единый язык невозможно. Между тем эти различные языки сталкиваются между собой в такой области философии, как философия образования.

Можно ли найти универсальный тезаурус? Один из наиболее интересных мыслителей XX века – М.К. Петров – искал такой тезаурус в ситуации, которую он назвал «коридорной», где сталкиваются специалисты различного профиля и находят общий язык в межличностном общении. Если специалисты, говорящие на специализированном тезаурусе, могут найти общий язык, то этот язык и будет универсальным тезаурусом. Такой универсальный тезаурус – это язык, который достигается благодаря обычному десятилетнему образованию.

Есть еще один, новый вариант построения универсального тезауруса – поиск универсалий культуры. Открываю том «Поморской энциклопедии». Блестящая энциклопедия краеведения с поиском универсалий, характерных для данной региональной культуры. Возникает проблема: существу-

ют ли для поморской региональной культуры такие универсалии? Не просто сингулярности, характерные для данной региональной культуры, но общие, универсальные характеристики, выходящие за рамки или хотя бы транспонирующие некоторые универсалии? Вот в чем проблема, как мне кажется, номер один. Нужно понять: как же универсалии, если они есть, преломляются в региональной культуре? Для этого лингвисты (не мы, философы, а лингвисты) придумали термин «концепт». Это не понятие в формально-логическом смысле слова. Такие специалисты, как, например, Н.Д. Арутюнова, изучающие логику естественного языка, или А. Вежбицка, создавшая теорию семантических примитивов, пытаются вычленивать универсалии ряда культур. Эти универсалии, преломленные в региональных культурах, они и назвали «концептами». Вежбицка сначала выявила 76 универсалий, характерных для всех языков, сейчас меньше, несколько более 20. Во всяком случае, поиск такого рода универсалий культур достаточно хорошо представлен в современной лингвистике и лингвокультурологии.

Возникает проблема: если мы ориентируемся на построение Энциклопедии в соответствии с универсалиями культур, на такого рода энциклопедизм, то нужно определить, сколько этих культур – 200 или 5000? Проблема и в том, что некоторые из них объединяются в культурно-исторические типы, а другие не входят в выделенные типы. В таком случае возникает вопрос: каковы взаимоотношения между этими культурными типами? То ли это транзит, то ли это трансфер, трансдукция (перенос ценностей из одной культуры в другую), трансплантация универсалий из одной культуры в другую, или диффузия. Или же все культурные типы замкнуты и изолированы? Это различные способы преломления универсалий в различных культурах. Во всяком случае, мне кажется, что если мы хотим понять культурно-историческую определенность энциклопедизма как способа мысли европейского человека, то мы не можем не ана-

лизировать универсалии иных культур. Философия и есть способ рефлексии над этими универсалиями.

Есть мнение Р. Рорти, который считает, что философия есть универсализация языка литературной критики. Философия-де закончилась и должна быть заменена литературной критикой. Мне кажется, это — некое обеднение, иссушение философии, чего нельзя допустить. Я думаю, существует гораздо больше культурных типов и соответственно культурных практик, поэтому принимать западноевропейский или американский способ мысли за основу не имеет смысла; каждый из нас живет в определенной культуре, в определенном языке и не может претендовать на вневременность своей позиции и своей точки зрения. Это еще один вариант энциклопедизма и возможного построения энциклопедического издания, предполагающего выявление универсалий культур и объединения их в определенные культурные типы. Но такого рода издание предполагает громадную исследовательскую работу, которая далеко еще не проведена и требует совместных усилий лингвистов, культурологов, философов.

Здесь встает ряд дополнительных трудностей, одна из которых заключается в возможности перевода универсалий одной культуры на язык другой культуры. Одни исследователи полагают, что такого рода перевод невозможен. Такова позиция, например, Ж. Делеза в книге «Логика смысла». Другие считают, что возможность перевода универсалий одной культуры на язык другой культуры существует, чем и объясняется, в частности, преемственность между аристотелевской мыслью и арабомусульманской средневековой мыслью. Европейцы Средневековья узнали о философии Аристотеля благодаря переводам на арабский. Во всяком случае, вычленение универсалий различных культур, типологизация различных культур и их универсалий позволит осмыслить пути перевода одних культур на язык других, определить меди-

аторы межкультурных коммуникаций и взаимопонимания.

Закончить свое выступление хочу следующим. Наше обсуждение, мне кажется, является свидетельством того, что мы всё ещё ищем новый язык или стремимся выявить пути межкультурных коммуникаций. Я познакомился с «Проективным философским словарем», изданным в Санкт-Петербурге под редакцией Г.Л. Тульчинского. Для меня совершенно очевидно, что это — постмодернистская попытка на российской почве осмыслить (и даже создать) тот новый язык, который характерен для нашего времени и для нашей культуры. При всей экстравагантности ряда терминов этот словарь нельзя не оценить как поиск нового универсального тезауруса. И без такого рода попыток нам не обойтись. Поколение, к которому принадлежу и я, должно осмыслить то, на каком языке мы говорили, какие инновации в культуре, науке, философии наше поколение считает значимыми и достойными универсальной ценности. Тем самым оно подведет не просто итоги своей жизни, но и переведет опыт своей жизни на универсальный язык, одновременно наметит те проекты языка будущего, которые, вырастая из различных специализированных или публичных жаргонов, достойны стать универсальным языком.

И последнее. Действительно, государство осуществило исход из науки и образования. К сожалению, энциклопедия без государственного финансирования в принципе немыслима. Например, издание «Новой философской энциклопедии» обходилось без контрольной редакции. Мы вынуждены были довериться совести авторов, не могли проверить даже постатейную библиографию. Из-за сроков издания я смог проверить лишь даты жизни философов. Контрольная редакция в любой энциклопедии должна быть. Без этого и без государственного финансирования любое такого рода издание, к сожалению, невозможно. А потребность в энциклопедических изданиях, безусловно, существует.

Ю. ГРАНИН: «Энциклопедия – нацио-образующий ресурс»

Хотел бы солидаризоваться с высказанной мыслью, что энциклопедии – это прежде всего европейское предприятие, связанное со становлением европейской науки и развитием книгопечатания. Но одновременно они и «национальный проект». Начиная с XVIII века все крупнейшие энциклопедии выходили в свет на национальных языках, а сама возможность их появления была связана со становлением европейских национальных государств и формированием европейских наций.

Иными словами, исторически энциклопедия являет собой некое единство «глобального» и «национального».

Будучи национальными по содержанию и способу осуществления, энциклопедии одновременно оказываются и своеобразной формой глобализации знаний: они не только являются «системами установленного знания», но и справедливо претендуют на универсальный и транскультурный характер этих систем. И поскольку глобализация, вне зависимости от форм ее исторической явленности, всегда сопровождается трансфером той или иной культуры, которая претендует стать универсальным образцом для других народов, постольку и издание энциклопедий можно рассматривать как средство и продукт глобализации.

По сути дела, история глобализации – это история превращения локальных историй отдельных этносов в региональную историю династийных империй и государств, а затем – и во всемирную историю наций и национальных государств, впечатляющие результаты которой мы сейчас наблюдаем.

Иными словами, становление всемирной истории – противоречивый процесс, связанный с «приливами и отливами» волн глобализации на тех или иных территориях ойкумены, имеющих свой временной и географический масштаб.

Не вдаваясь в детали, можно выделить, как минимум, три волны глобализации: *пра-историю* глобализации (от неолитической революции до Осевого времени), ее *предысто-*

рию (зарождение глобальной общности – от Осевого времени до эпохи Просвещения и первой промышленной революции) и *собственную историю* (формирование глобальной общности за последние 250–300 лет).

Особенно высоко *третья волна глобализации* поднялась с вступлением ряда передовых стран в эпоху постиндустриализма и информационно-технологической революции. А ее начало продуктивно связать со становлением и развитием европейского капитализма XVII–XIX столетий.

Вне зависимости от того, понимаем ли мы «нацию» как преимущественно социокультурную или политическую общность (появление которой связано со становлением в странах Западной и Центральной Европы гражданского общества), она, в противовес *общности этнической* – локальной, представляет собой некое средоточие глобального и локального.

Интеграция этнически, конфессионально, культурно и лингвистически разнородных групп людей в некое относительно гомогенное целое – характерная интенция современной глобализации – первоначально осуществлялась в организационных формах национальных государств Западной и Центральной Европы, «бюрократическая машина» которых успешно «перемальвала» многочисленные этносы, столетиями жившие на территории этих стран.

Смещение вектора культурной самоидентификации из этнической плоскости в плоскость национальную было связано с изменениями в области языка, характера информационных связей и образования. Распространение в Европе «печатных языков» в форме светских книг и газет заложило основу «национального сознания». Читатели, связанные общим языком, образовали в своей светской, партикулярной жизни зародыш «национально-воображаемого общества» – «нации». И позже издание первых энциклопедий безусловно способствовало культурному обмену и коммуникации в странах Западной и Центральной Европы.

Если печатные и административные язы-

ки стандартизировали основной способ массовой коммуникации, то *развитие общенациональных систем образования легитимизировало культуру как ведущий способ национальной интеграции.*

Этот процесс продолжался не одно столетие, требуя постоянных усилий и контроля государства. Но по-настоящему оно взяло на себя роль «воспитателя нации» лишь в XIX веке, когда массовое начальное образование стало нормой в большинстве стран Западной Европы.

Впечатляющим примером этого является «офранцузивание» инокультурных провинций. Еще в 1789 г. половина населения Франции вовсе не говорила «по-французски». В 1863 г. примерно пятая часть французов не владела тем языком, который официально признавался французским, а для многих школьников его изучение было равносильно овладению вторым языком. Отчет о положении в Бретани в 1880 г. содержал рекомендацию «офранцузивания» полуострова путем создания сети школ, которые по-настоящему объединят полуостров с остальной Францией.

С разной степенью интенсивности аналогичные процессы аккультурации происходили в Германии, в царской России, а позже и в Советском Союзе. Но ни в дореволюционной России, ни в СССР процесс нациеобразования не был завершен, главным образом из-за нехватки времени и непоследовательности государственных действий.

Строго говоря, ни та, ни другая империя не ставили цели формирования на просторах России *одной нации* (на базе великорусского этноса и общей культуры) *как политической общности – то есть как согражданства.* Ибо ни в одной из них не существовало главных основ общенациональной интеграции – политической демократии и развитого гражданского общества. В сравнении с царской Россией СССР даже сделал шаг назад. Помимо ошибочного тезиса о «праве наций на самоопределение» КПСС руководствовалась бесперспективной идеей о «многонациональном» советском государстве, неизвестно за-

чем сохраняя в паспортах графу «национальность» и «национально-республиканский» принцип деления территории.

Негативные последствия этого, правда, смягчались интернационалистической идеологией и хорошей системой государственного образования, которые, тем не менее, не уберегли от распада.

В современной России ситуация не лучше. Кроме безуспешных поисков «национальной идеи», российское государство мало что сделало для развития национальной интеграции: формирования гражданского общества и развития общенациональной системы образования, под влиянием которых у людей формируется образ «нации» («России») и «гражданское сознание».

Миллионы представителей черной, белой, желтой и красной рас в США и многих странах Европы с гордостью говорят: «Мы – американцы» или «Мы – французы». А у нас все «с точностью до наоборот». Многоязычная «Россия» так до сих пор и не стала единой «нацией»: этническое самосознание в умах миллионов все еще доминирует над «национальным».

Для того чтобы в России «национальное самосознание» взяло верх над «этническим», *необходимо создать прежде всего общероссийские программы гражданского образования и воспитания для взрослых, детей и молодежи. Во-вторых, ввести эти программы в систему федеральных государственных стандартов образования. И наконец, привести в соответствие с федеральными образовательными стандартами программы образования национальных республик России,* где на протяжении последних 10 лет явно доминируют националистические тенденции и сюжеты.

Вслед за провозглашением суверенитета почти всеми «национальными» республиками в составе Российской Федерации были приняты законы о языках, которые стали юридической основой для проведения дискриминационной этнической политики на территориях национально-государственных субъектов и *спровоцировали про-*

цессы, ведущие к разрушению единого коммуникативного пространства России.

В этих законах «государственными» на территории субъекта федерации провозглашаются, как правило, два языка – язык «коренной нации» и русский язык. А иногда «огосударствуются» три языка, как, например, в Кабардино-Балкарии. Это означает, что документооборот в этих республиках ведется не на одном, а на нескольких «административных языках». Мало того. В большинстве случаев республиканские законы о языке включают статьи, легитимирующие льготы и преференции по этноязыковому принципу для представителей так называемых «титulyных» этносов.

В долгосрочной перспективе от всего этого надо решительно отказаться. А сейчас в срочном порядке *следует*, твердо пресекая дезинтегрирующие страну тенденции, *консолидировать и укреплять единое коммуникативное и образовательное пространство России.*

Под влиянием растущего многообразия форм экономической жизни пространство образования и СМИ поляризовались институционально и содержательно, большинство СМИ теперь пропагандируют отнюдь не общенациональные, а корпоративные и частные интересы своих владельцев. В сфере же общего и профессионального образования мы имеем подчас нездоровую конкуренцию частных и государственных школ, вузов, учителей, преподавателей, учебных программ и лекционных курсов.

Коммерциализация образования и науки, с одной стороны, и печати, с другой, привела к тому, что ныне прилавки магазинов завалены учебниками, учебными пособиями и монографиями, научный, педагогический и литературный уровень которых оставляет желать лучшего. Некоторые из этих, главным образом гуманитарных, «трудов» не только не способствуют профессионально-научному образованию студентов и слушателей, а вносят сумятицу в молодые умы, пропагандируя выдуманные «факты», откровенно анти- и псевдонаучные гипотезы и концепты.

Как снизить объем халтуры в образовании и науке, сформировать и утвердить общенациональные, корреспондирующие с мировыми, стандарты образования, возродить и умножить информационные и иные связи между вузами, НИИ, академиями и государством? Важную роль в решении этих и некоторых других задач может сыграть журнал «Высшее образование в России», основным предназначением которого, как и большинства серьезных изданий, является организация конструктивного диалога внутри сообщества руководителей и преподавателей высшей школы по поводу ценностей современного образования.

М. КИСЕЛЕВА: «Порядок букв и есть порядок мира»

Затрону вопрос о времени появления энциклопедий в истории русской культуры. Хорошо известно, что естественным образом воспроизвести римскую модель энциклопедизма, коренящуюся в софистической культуре древних греков (о чем прекрасно написал С.С. Аверинцев, развивая идею о «двух рождениях европейского рационализма»), в русской культуре было невозможно. Указывая на итоги дискуссии среди классических филологов о значении прилагательного ἐγκύκλιος (прочитав вместе со словом παιδεία и несколько исказив произношение, мы получаем «привычную» энциклопедию), Аверинцев выделял два дополняющих друга друга смысловых момента: 1) «полноты и завершенности «цикла» дисциплин»; 2) «широкой доступности, экзотеричности» (Вопросы философии, 1989, № 3). Очевидно, что обе эти характеристики не могли прилагаться к древнерусским книжным текстам, так как дисциплинарная структура образования и учености в средневековой Руси не сложилась, экзотеричность же обращения к аудитории ограничивалась кругом грамотных, читающих лиц. Иными словами, Древняя Русь не усвоила традиции европейского энциклопедизма, однако отдаленные его влияния испытывала.

В древнерусской книжности подобие

энциклопедической форме можно отыскать в переводной литературе и компиляциях, расширяющих православный догматико-богословский круг текстов. К этому кругу принадлежат Шестоднев, Физиологи, древнерусский трактат «Луцидарус» как переработка трактата «Imago Mundi» схоласта XII в. Гонория Отенского с добавлениями других текстов, в том числе апокрифа «Elucidarium». Если в первых двух типах текстов очевидно греческое и византийское влияние античной и восточно-христианской образованности, с одной стороны, и богословской догматики, с другой, то «Луцидарус» – типичная схоластическая «Summa», цель которой – обозрение устройства сотворенного Богом мира во всех мельчайших подробностях.

Западноевропейские энциклопедисты XVIII в., по существу, *синтезировали* эмпирический и рациональный путь добывания знания, соединив под обложкой многотомной энциклопедии и индуктивную экспозицию самых различных опытных знаний (искусств и ремесел), и метафизические рассуждения об устройстве мира, человека и общества. Этот проект и был, как показал Аверинцев, вторым рождением европейского рационализма, который нес в себе все приметы старого, греческого рационализма, построенного по правилам аристотелевской риторики, но и выходил за их пределы.

России, как нам представляется, было отведено очень небольшое историческое время для знакомства и включения в европейскую рациональную традицию. Это произошло тогда, когда в Европе завершался ее первый сценарий и начинал разворачиваться второй, т.е. в XVIII в. Однако процесс не пошел бы столь успешно, если бы не было «подготовительного» этапа. Речь должна идти о так называемом третьем южнославянском влиянии второй половины XVII в., когда малороссийские книжники познакомили книжников Московского царства с европейским рационализмом, разумеется, в его традиционных формах «старого» рационализма. При царе Алексее

Михайловиче в великоросские земли Московского Царства, в монастыри, скриптории, в дома знатных бояр в качестве учителей и знатоков языков (латыни и польского) был открыт доступ выпускникам Киево-Могиланской коллегии и простым монахам-малороссам. Европейская схоластическая ученость, тот самый «старый рационализм», основанный на крепкой риторической образовательной дисциплинарной культуре, проникал в мир древнерусской книжности и учености в виде переноса книг и переводной литературы. Для нашей темы интересно упомянуть, например, известный в российских землях XVII в. в украинском переводе текст «Зерцало духовное», статьи которого на религиозно-моральные темы располагались «по алфавиту славенску». Происходил очередной процесс заимствования и осмысления плодов на этот раз киевской, а через нее и европейской образованности (многие выпускники учились в польских, итальянских, немецких и даже английских университетах). Новые знания несли с собой и новые формы, прививая на российской почве элементы культуры барокко, распространенной в то время в Европе. Ее влияние, шедшее через носителей малороссийской образованности, затрагивало и древнерусскую книжность, и придворный этикет, и архитектурные формы, и, что особенно важно для нашей темы, мировоззренческие устои традиционного московского православия.

Исследователями истории литературы давно отмечена связь литературных произведений эпохи барокко с научным жанром энциклопедий. Знаток и замечательный исследователь немецкого барокко А.В. Михайлов, отмечая основные черты этой эпохи, писал о тяготении барочных произведений к «энциклопедической обширности». «Энциклопедии как жанру научному соответствует барочный энциклопедический роман, стремящийся вобрать в себя как можно больше из области знаний и своими сюжетными ходами демонстрирующий (как бы «символически») хаос и порядок мира» (Михайлов А.В. Языки культу-

ры. М., 1997. С. 121-126). Ученый приводит замечательный пример того, как утверждалась алфавитная форма, столь привычная теперь в энциклопедиях. В 1565 г. в Базеле издается энциклопедия врача Теодора Цвингера «Театр человеческой жизни». В основание систематизации этого труда было положено «логическое древо», занимавшее 4 страницы текста и позволявшее «разложить» «человеческие дела» по психологическим и предметным основаниям, которые представляли все области человеческих знаний. Объем этого издания превышал пять тысяч страниц, ориентироваться в которых на основе ключа – логического древа – было крайне трудно. В 1631 г. книга была переиздана, и весь материал ее был расположен в *алфавитном порядке*. Порядок мира и есть порядок букв. Как мы помним, еще древние греки пользовались словом «стихия» для определения «начала» мира и его «порядка». Сами же согласные в этом слове являли собой последовательность (порядок) букв греческого алфавита; то же самое можно усмотреть и в латинском слове «элемент». Энциклопедическая форма нашла «золотой ключ» алфавитного построения. Алфавитный принцип построения словаря, приводящий в порядок знания о словах, стал принципом построения энциклопедических книг, написанных для упорядочивания знания о мире.

Научные компендиумы, подобные «Театру человеческой жизни», неизвестны древнерусской книжности. И, тем не менее, во второй половине XVII века на Московском дворе появляется труд, прокладывающий путь к энциклопедизму в его барочной литературной форме и прямо адресованный православному читателю. Речь идет о «Вертограде многоцветном» Симеона Полоцкого, окончательный рукописный вариант которого по воле автора был переписан в алфавитном порядке. «Верт» – сад, один из излюбленных и разработанных образов барочной культуры, имеющий богатую традицию в западноевропейской литературе (Сазонова Л.И. Поэзия русского барокко. М., 1991. С.165-191). «Вертоград...» Симе-

она – поэтическое произведение, «стихотворная энциклопедия», включающая в автографе 2763 стихотворения, посвященных Богу, миру и человеку как творению Бога. В «Предисловии ко благочестивому читателю» автор определяет свою задачу как «твори светом разума во плоти от Бога украшенной» перенести из иных, «богатых» вертоградов разных стран и земель в свой «домашний... язык славенский, яко во оплот или ограждение Церкви Российския». Автор осознает, что «пересаживание корней и перенесение семян богодухновенноцветородных» требует большого тщания и труда и обустройства нового «верта» «художественно и по благочинию», устраивая все «по алфавитному славенскаго диалекта сочинению». Собранные Симеоном «цветы духовные», как он сам определяет, – различных родов: и образы, и присловья, и толкования, и эпитафии, и повести, и летописания, и молитвы, и увещания, и обличения. Его труд – целостная система мира, в которой человек, выполняя свои земные дела и обязанности, занимает главное место. Поэтому так пристально внимателен Симеон в своем труде к социальным ролям человека, его поведению, морали. В человеке автора «Вертограда...» интересуется и душа, и тело, и добродетели, и грехи. Книжная культура эпохи барокко насыщена поэтическими, философскими и эмблематическими определениями человека в многообразных состояниях: и верующего, и разумного, и чувствующего, и деятельного. Земная жизнь человека, его социальные роли (царь, священник, инок, мудрец, философ, поэт, врач, купец, воин, начальник, богатый, нищий, муж, жена, юноша, друг, враг и др.), его нравственные ценности (добронравие, злонаравие, достоинство, зависть, милость, злость, любовь, ненависть, разум, безумие, гордость, смирение, совесть, скупость и др.), его социальные состояния (братство, гражданство, вдовство, «бедство», власть, слава и др.), наконец, свойства души и тела (вера, воздержание, пища и питье, воля, нрав, болезнь, смерть, скорбь, печаль, сердце, сле-

пота/видение, око, блуд, похоть, вина, гнев, горе, терпение и др.) – все это многократно в стихотворных формах находит многообразные поэтические описания в обширном труде. Приведенные и далеко не полные перечисления взяты нами из «Оглавления вещей...», своего рода индекса «поэтической энциклопедии», составленного самим автором. Само название индекса не может не напомнить широко известные в Европе XVII в. сочинения Яна Амоса Коменского («Преддверие вещей и слов» («*Vestibulum Regum et Linguarum*») – энциклопедический учебник латинского языка 1631 г., переведен на 16 языков мира; «Мир чувственных вещей в картинках» («*Orbis Sensualium Pictus*», 1658, Нюрнберг) – двуязычный, латинско-чешский учебник для детей).

«Вертоград...» Симеона выполнял и назидательные, и проповеднические задачи. Автор в Предисловии осознает себя «душеврачевателем» и «выращивает» свои «цветы» для излечения самых разных человеческих недугов: угашения «пламеней ярости и похоти», смирения гордости и т.п. Книга им написана во славу Господа (Бог прославляется им в 17 виршах, кроме того, в стихах о Благодати, Благости, Благотворении, Бедах, Веселии, Гневе, Грехе и прочих, отдельно многочисленные стихи посвящены Христу), вообще весь текст пронизан морализующей и проповеднической идеей представления Мира как Творения Божьего. Это и есть центральная, скрепляющая текст идеология, сознательно – как содержание, так и формально – примененная автором, вооруженным всеми правилами риторического барочного литературного искусства. Однако и о своих нуждах автор не забыл, «поелику нужно к доволному препитанию мене грешного...».

Совершенно очевидно, что «Вертоград многоцветный» – произведение, располагающееся на границе двух культур: древнерусской книжной и европейской барочной. Латинские тексты, с которыми работал Симеон, создавая свою «поэтическую энциклопедию», были написаны священниками-

иезуитами как богословские просветительские трактаты: Матиасом Фабером (*Concionum opus tripartitum*), Иоганном Меффертом (*Hortulus Riginae*), анонимным автором (*Magnum speculum exemplorum*) и Якобусом Маркантиусом (*Horus pastorum*). Таким образом, Симеон для реализации своих проповеднических, просветительских и общемировоззренческих задач брал за образцы стихотворных творений темы и идеи, а также поэтические и жанровые формы развитой религиозной барочной литературы XVII в. иезуитов-богословов, пересаживая «цветы» из одного сада, как сам определил свою задачу Симеон, в свой домашний сад. Несмотря на гонения и запреты его трудов на Соборе 1690 г. патриархом Иоакимом, Симеон Полоцкий своим творчеством проложил путь в русской культуре к энциклопедическому знанию и привил вкус своим ученикам к такого рода творчеству, подготовив тем самым дальнейшее развитие российского просвещения.

А. РАЗУМОВ: «Слово – “изначальный энциклопедист”»

Когда в глубинах Африки на землю ступили безгрешные лапы первых хомо, произошло это одновременно со словом произнесенным. Наш звероподобный прародитель начал долгое, в сотни тысяч лет, движение от стада к обществу, где ему (теперь уже «нам») потребовался энциклопедизм, некоторая универсальность, парафилософия сознания. Все это фиксировало общественно значимое слово как комплекс смыслов, как изначальный энциклопедист.

Надо думать, никто не станет отрицать того, что слово является первоэлементом энциклопедий. Более того, оно – живая душа энциклопедизма, который рождается, питается, живет и дышит смыслами. Человек же, как отмечал, например, Макс Вебер, это животное, висящее на сотканной им самим паутине смыслов. Слов-смыслов.

Современные энциклопедисты в идущей от Гуттенберга и первопечатника Федорова гордыне книгоиздательства склонны прини-

жать значение устного слова, поскольку, мол, устное слово недолговечно, исчезает, доходит до очень ограниченного числа слушателей-пользователей. Однако прежде чем были записаны первые всеобъемлющие энциклопедии, они сотни лет проходили изустную обкатку в сказаниях, преданиях, мифах. Такова, например, Библия христиан, предания, легшие в основу всех «авраамических» религий.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Всё через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков», – делился Откровением апостол Иоанн или группа лиц, выступавшая под этим псевдонимом. Впоследствии на Никейском соборе незначительным большинством голосов иерархов, при деятельном участии Константина Великого было решено, что не просто Бог говорил устами Иисуса, но что сам он и есть Бог-Слово.

Столетия спустя после Иоанна Августин Блаженный счел необходимым разъяснить, что «в начале» – не значит раньше-потом; «в начале» значит – в основе, в логосе, в «программе», так сказать. Не станем вдаваться в теологические или философско-светские споры о происхождении и роли идей и логоса, но важно, что слово как «логос», как нечто, рождающее смыслы и деяния, может (и должен!) рассматривать каждый составитель энциклопедий.

Некогда Вильгельм фон Гумбольдт выдвигал программу – «План систематической энциклопедии всех языков». Он мечтал собрать «всю массу языкового материала во всей его полноте, произвести внутри него сравнение по всем мыслимым законам аналогии, чтобы, понимая язык как следствие, создавать и совершенствовать его в соответствии с поведением человека, либо, понимая его как причину, делать выводы о внутреннем мире людей, и все это с философским рассмотрением общей человеческой природы и с историческим рассмотрением судеб различных народов» (*В. фон Гум-*

больдт. Язык и философия культуры. М., 1986. С. 346–347).

Слово – не только жизнь, слово воскрешает человек из мертвых, приобщает к памяти предков, руководит настоящим, программирует грядущее.

Слово выделяет человек из царства зверей, но, к сожалению, не всегда в лучшую сторону. В зверином царстве, правда, процветает убийство, существует борьба за лидерство и территории. Но что-то не слышно, чтобы какая-нибудь стая бросилась иступленно прославлять вожака или принялась истреблять сородичей. Или, скажем, взялась разжигать костры и целых три столетия сжигать на них своих самочек. И уголовных энциклопедий им сочинять не надо.

Когда образовывалось общество, спираль социально-технологического прогресса стала раскручиваться в координатах, которые образовала война, хозяйство, управление (власть) и проповедь (не обязательно религиозная). Все они настолько тесно связаны, что можно перечислять их в ином порядке, в зависимости от идеологических предпочтений. Я полагаю, что война – один из главных, до сей поры главный стержень раскручивания спирали. На войну идет более всего средств, материальных и интеллектуальных ресурсов. Трудятся, во всяком случае, не худшие умы.

Сегодня, кажется, мы подошли к концу гигантского мегацикла, когда все четыре координаты в их прежнем состоянии грозят завершить историю наших слов задолго до того, как им заповедовал Дарвин и синтетическая теория эволюции.

Необходима серьезная реконструкция нашего синтетического, энциклопедического сознания. Радикальная реорганизация.

И в любом случае энциклопедиям как «собираателям слов» необходимо пожелать успехов.

Ю. ХОХЛОВ: «Классической энциклопедии осталось 10–20 лет»

Я бы не хотел обсуждать все беды и блага, которые несут новые технологии гряду-

щего информационного общества. Хотел бы высказать свою точку зрения лишь по вопросам, которые сегодня обсуждались.

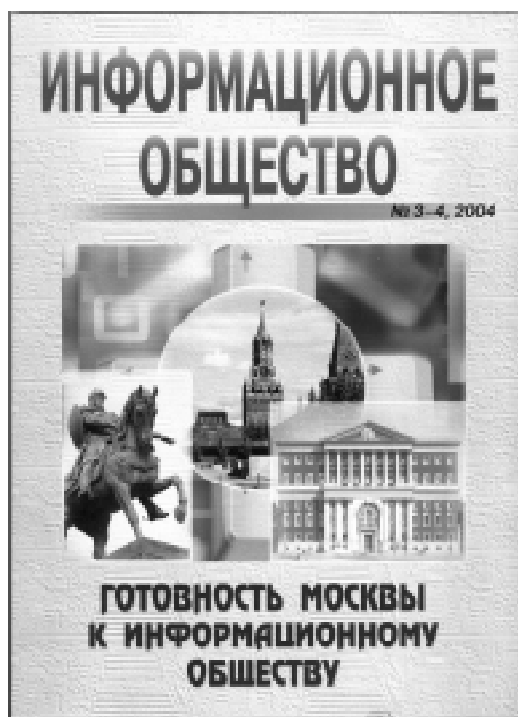
Почему так трудно даются простые и понятные ответы на, казалось бы, простые и ясно поставленные вопросы? Мне кажется, это связано с тем, что мы сейчас находимся в переходном процессе, в состоянии перехода от индустриальной стадии развития цивилизации к информационной, максимально пронизанной использованием информации и знаний. Период, в котором мы находимся, как раз характеризуется тем, что налицо признаки и того, и другого, обе эти сущности соседствуют, поэтому их так трудно разделить.

Поговорим в этом контексте об энциклопедиях. С моей точки зрения, помяните мое слово, энциклопедии в том традиционном виде, в каком они существовали в индустриальном обществе (и в каком еще сейчас, на переходной стадии, присутствуют), исчезнут очень быстро, в течение ближайших десятков лет. Они примут другую форму по целому ряду причин. Не только пото-

му, что гораздо дешевле выпустить электронную энциклопедию, чем издать печатную большим тиражом. Это произойдет прежде всего потому, что перевод изданий, которые хранятся в печатном виде, в электронные многократно ускоряет процесс обработки информации. Вы можете извлечь гораздо больше из того же объема информации, имеющегося в печатном материале, в книге, в журнале или в энциклопедии, если она будет в электронном виде. Кроме того, вы можете установить совершенно неожиданные связи, которые никогда не установите, когда будете вынуждены физически листать страницы, читать всю энциклопедию от корки до корки и т.д. Поэтому перевод информации и работа с информацией в электронной форме приводит к качественному изменению процесса работы с ней, и это наблюдается сегодня повсеместно. Произойдет это и с энциклопедией. Наверное, вы знаете, что энциклопедия «Британника» перестала издаваться в печатном виде и существует теперь только в электронной форме. Это не дорого и очень удобно. Зато количество посещений сайта энциклопедии «Британника» огромно, и это позволяет издателям максимально поддерживать и развивать ее как коммерческое, кстати говоря весьма успешное, предприятие – и никакое британское правительство за это не платит. Уровень данной энциклопедии весьма высок, мало кто скажет, что система представления знаний о мире в ней сильно вульгаризирована, что это неинтересно и лучше смотреть что-нибудь совсем другое.

Это первое соображение. Поэтому мой прогноз таков: в традиционном печатном виде энциклопедические издания перестанут существовать. Задача для издателей – вовремя найти в этот переходный период (возможности для этого еще имеются) способ перехода к новым формам издания. Да, будут существовать какие-то небольшие эксклюзивные издания, которые человек захочет держать в печатном виде у себя на полке, но вряд ли он будет работать с ними.

Второй вопрос, который здесь часто

поднимался и обсуждался: почему энциклопедии сегодня так популярны? Я постараюсь ответить на него опять же с точки зрения человека, исследующего феномен информационного общества. С моей точки зрения, ответ на этот вопрос также связан с тем, что многократно усилились процессы потребления информации. Сейчас большая часть потребителей и пользователей знаний нуждаются в очень быстром и весьма компактном изложении. Я прошу прощения за, быть может, слишком грубое сравнение, но они нуждаются в некоем «фаст-фуде». Им нужно быстро что-то сделать, получить какую-то краткую информацию или сведения о том, что есть в сегодняшней системе представлений о мире и окружающей действительности. И этот «фаст-фуд» они находят в энциклопедии – в печатном или в электронном виде – или где-либо в Интернете. Да, в Сети много лишнего и ненужного, но это уникальное хранилище, по сути дела, глобальная библиотека, универсальная энциклопедия, в которой можно найти сейчас практически все, что есть в электронном виде. Для меня сравнение, что Интернет наполнен мусором, неправомерно. С таким же успехом можно считать хранилище Ленинской библиотеки с ее 42 миллионами экземпляров тем же мусором. Потому что там точно так же лежат издания, только не электронные, а печатные, плюс к тому же прошедшие в прошлой системе цензуру, экспертизу и т.п. Просто за счет расширившихся возможностей и облегчения процесса издания сейчас в Интернете уже гораздо больше электронных документов, чем в традиционных хранилищах той или иной национальной библиотеки, будь то Библиотека Конгресса США или другие национальные библиотеки. Потому-то «фаст-фуд» и востребован. Его покупают, а издательства спокойно могут издавать и извлекать прибыль. Энциклопедии или энциклопедические словари отражают потребность в быстром потреблении сжатой информации, и этим, с моей точки зрения, объясняется то, что сегодня это один из наиболее спраши-

ваемых на рынке товаров. Я думаю, что универсальные энциклопедии – вещь действительно затратная и убыточная, здесь правильно говорили об этом, но энциклопедические словари по узким отраслям и огромное количество энциклопедий, связанных с сексом или домашней кухней, наверняка очень прибыльные издания. На них просто зарабатывают деньги.

Еще одно соображение по поводу того, почему обращаются к энциклопедиям. С моей точки зрения, энциклопедически образованного человека сегодня мы воспитать не можем, ибо количество знаний, накопленных человечеством, настолько велико, что отдельная личность не может их освоить во всей глубине. Раз этих знаний или представлений о той или иной предметной области слишком много, то, естественно, вы стремитесь воспользоваться готовой системой представлений, которую осмыслил другой исследователь, причем достаточно авторитетный. И вы можете заместить ею ваши наивные представления, так как вы не проработали много лет в данной области. Где вы ее находите? В энциклопедии. Поэтому вы обращаетесь к ней, чтобы получить в концентрированном виде новую для себя систему представлений и замещаете этим трудную дорогу к освоению этого знания.

И еще одна вещь, которая здесь обсуждалась. Говорилось, что универсальные энциклопедии нужны для осмысления системы представлений о мире на каждой стадии развития науки. Тогда давайте подумаем, кому нужны подобные энциклопедии. Они нужны, с одной стороны, писателям энциклопедий, которые создают некую систему представлений и фиксируют ее в энциклопедиях, а с другой стороны – читателям, пользователям. Это две разные категории. Одна (очень небольшая) – это те, кто порождает знания и пытается их систематизировать, а другая (значительно большая) – это потребители, которые нуждаются в своей повседневной деятельности в тех или иных научных представлениях и черпают их

из той или иной энциклопедии, энциклопедического словаря или справочника. Еще одно, пожалуй последнее, соображение связано как раз с системой образования. Естественно, энциклопедия для системы образования играет роль, *но не столь важную*. По нескольким причинам. Одна из главных причин заключается в том, что в любой энциклопедии сконцентрировано вербальное, явно сформулированное знание (это наш прошлый, зафиксированный, «замороженный» опыт). А когда мы говорим об образовании, когда мы должны человека подтолкнуть к процессу обучения, мы, как правило, используем неявное, невербальное знание. Мы передаем ученикам свои навыки и умения, глядя в глаза или действуя по принципу «делай как я». Конечно, нужно иметь представления, которые были зафиксированы на данный момент времени, но не менее важно для процесса обучения иметь «тацитные» знания. Поэтому мы никогда не оторвем ученика от преподавателя, и никогда не исчезнет потребность в существовании научных школ и коллективов, а также всего того, что мы с вами связываем с наукой и образованием.

В. КАРЕВ: «Традиционная энциклопедия должна сохранять свои родовые качества».

Прежде всего, хотел бы поблагодарить редакцию журнала «Высшее образование в России» и Институт философии за инициативу в организации сегодняшней встречи. Подобные встречи, к сожалению очень редкие в последние годы, позволяют сопоставить различные взгляды на проблемы, интересующие представителей разных отраслей знания и сфер деятельности. Тема же роли энциклопедий в образовательном процессе и – шире – общественной жизни нации, страны, на мой взгляд, весьма актуальна.

К сожалению, за последние полтора десятилетия эта тема ушла на обочину общественного интереса. И это

при том, что по чисто внешним, формальным показателям энциклопедическое дело в современной России переживает своеобразный бум. Книжные прилавки буквально забиты разноформатными книгами и книжками в ярких обложках, на которых красуется слово «энциклопедия». Бренд «Энциклопедия» явно популярен у современного российского читателя, который доверчиво полагает, что в книге под грифом «энциклопедия» он получит четкую, достоверную и исчерпывающую информацию. Увы, большинство «энциклопедий», представленных сегодня на книжном рынке, такими не являются.

Большинство авторов и издателей подобных книг лишь используют популярность этого бренда, нисколько не задумываясь о соответствии названия содержанию. Это не значит, конечно, что в России не выпускаются настоящие энциклопедии. Напротив, в отличие от советского периода с его монополией на всё, включая и энциклопедическое дело, сегодня многие издательства и научные коллективы берутся за разработку различных энциклопедических проектов. Здесь уже шла речь о ряде проектов издательства «РОССПЭН», которые заняли достойное место в ряду отечественных энциклопедических изданий. Есть интересные энциклопедические проекты в издательствах «ОЛМА-Пресс», «Терра», «Рипол-классик», «Аванта+» и др.

Пришло время осмысления накопленного опыта, разработки новых энциклопедических методик, определения реального места энциклопедистики в стремительно развивающихся информационных системах современного мира, включая, в частности, взаимоотношения традиционной книжной, «бумажной» энциклопедистики с информационным пространством Интернета. Европейская энциклопедистика

Нового времени проделала сложный, но по масштабам истории достаточно стремительный путь от универсальных энциклопедий Чамберса и Д'Аламбера – Дидро, изданных в XVIII веке, до современных энциклопедических сводов, включающих и универсальные, и тематические, и региональные, страноведческие энциклопедии. Не случайно стремительный взлет энциклопедистики Нового времени пришелся на эпоху Просвещения. И издатели, и читатели всегда рассматривали универсальную энциклопедию (а энциклопедия не может не стремиться к универсальности) как «книгу книг». Энциклопедия стала для человека Нового времени второй Библией, отражающей степень познания им окружающего мира. Стремление отразить всю неохватность знания и одновременно «упаковать» эту необъятность в строгие рамки ограниченного числа томов – главное противоречие энциклопедического жанра, которое приходится обходить различными путями – от использования почти телеграфного стиля изложения до создания, наряду с универсальными, отраслевыми, тематическими, региональными энциклопедий.

Упомянув Библию, не могу не сказать несколько слов по поводу поднимавшейся в предыдущих выступлениях проблемы взаимоотношений между наукой и религией, отражения в современной энциклопедии – прежде всего универсальной – научного и религиозного взгляда на мир. Трудно судить, как в новом столетии будут развиваться отношения между наукой и религией. Применительно к энциклопедическому делу очевидно одно: проблемы религии, истории и современного состояния конфессий, важнейшие богословские проблемы должны находить достойное отражение на страницах энциклопедий. Беспринципный, я бы сказал антинаучный, «атеизм», иногда переко-

чевывавший со страниц книг «воинствующих безбожников» на страницы советских энциклопедий, должен быть выведен за рамки серьезной энциклопедистики.

Начиная работу над Новой Российской энциклопедией, мы в нашем издательстве, созданном в 2001 году, с самого начала ставили перед собой задачу уйти от идеологизированного начала, характерного для российских энциклопедий советской эпохи, но при этом не впасть в соблазн подчинения другим идеологическим доктринам, претендующим на абсолютную истину. Сегодня, к примеру, необходима разработка методик, позволяющих находить «золотую середину» в освещении на страницах энциклопедий и представлений тех или иных религиозных систем о Сотворении мира, и современных научных представлений о происхождении Вселенной, Земли и человека на ней. В определенном смысле эта «золотая середина» и будет представлять современную картину мира.

Если говорить о связи энциклопедического дела и системы образования, то мне кажется, потенциал энциклопедий еще недостаточно используется в школах и вузах. Между тем унаследовавшие многие традиции европейской, прежде всего немецкой, энциклопедистики с ее стремлением к фундаментальности и научной строгости, отечественные энциклопедии, вместе с тем, всегда несли в себе мощный просветительский и образовательный заряд. Стремление сочетать фундаментальность, философское осмысление проблем природы и общества с популярным стилем изложения материала, введением в ткань статей прикладного, «обучающего» материала отличает все отечественные энциклопедии конца XIX–XX веков – от Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона до трех изданий Большой советской эн-

циклопедии. К такому сочетанию наше издательство стремится в работе над проектом Новой Российской энциклопедии.

Авторитетные энциклопедические своды не только дают ответы на конкретные вопросы, которые интересуют школьников и студентов, но и позволяют устанавливать связи между различными, на первый взгляд, далекими друг от друга темами, явлениями, событиями, проблемами, перебрасывать мостики между естественнонаучным и гуманитарным знанием. Но этот авторитет современными энциклопедиями еще должен быть завоеван... В противном случае энциклопедистика сама рискует превратиться в одно из звеньев «массовой культуры» потребительского общества, работающей, как выразился коллега, по принципу «фаст фуд». Поднимающаяся на нашем «круглом столе» проблема взаимоотноше-

ний книжных и электронных средств информации по отношению к энциклопедии требует особого обсуждения. Замечу только, что выходя на соревнование с Интернетом, традиционная энциклопедистика должна сохранять свои родовые качества, торопясь с внедрением их во всеядную «всемирную паутину». Сегодня Интернет, осваивая (или присваивая) информацию, накопленную системой «бумажных» энциклопедий и справочников, вынужден вольно или невольно усваивать их научные и этические нормы. Завтра он будет диктовать уже свои нормы, полагая, что ему и надлежит стать главной и единственной информационной системой мира, стать новой, но уже виртуальной «книгой книг», заменяющей и отменяющей все прочие книги. Важно при этом не утратить достоинства абсолютных ценностей книжной культуры.

